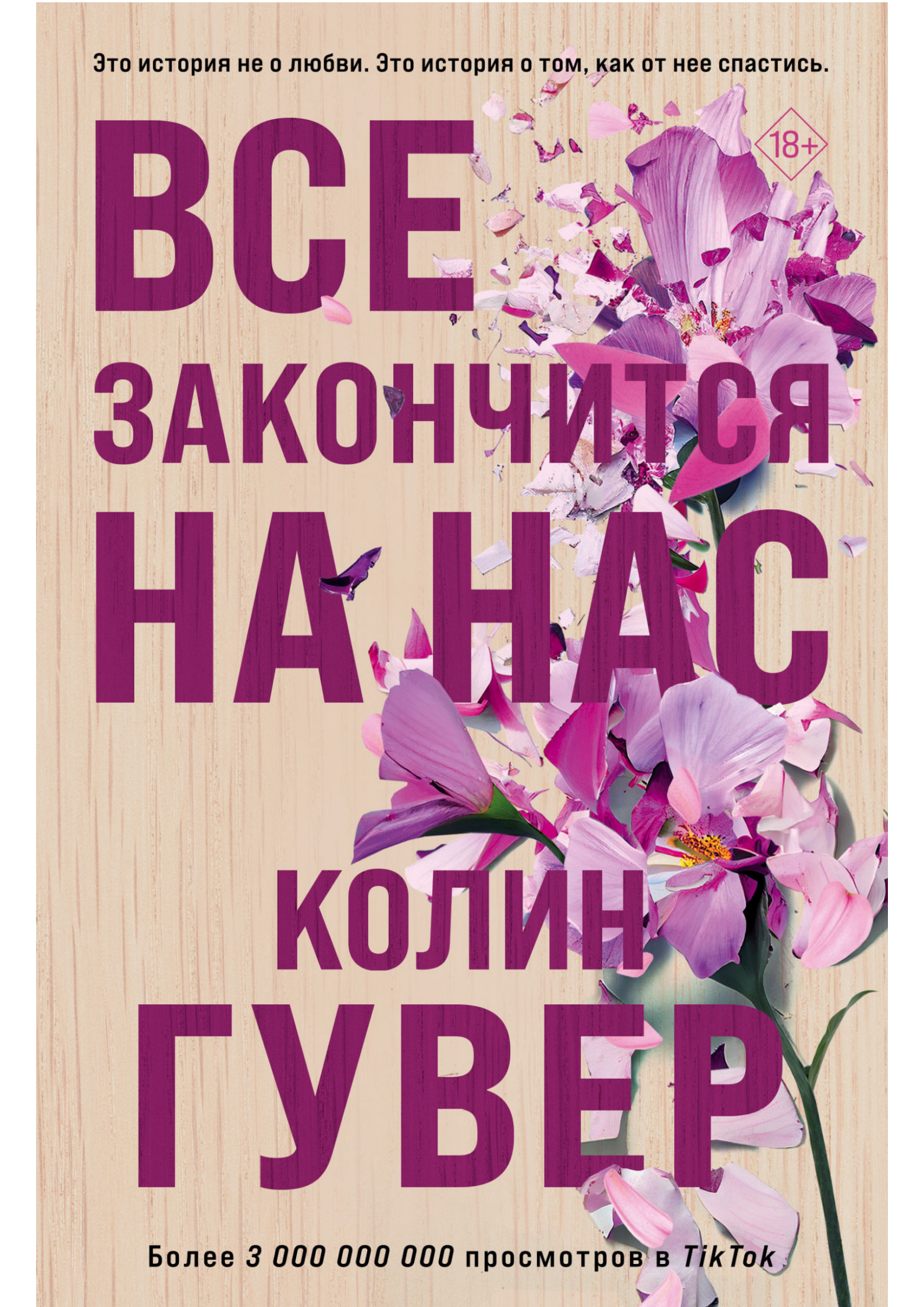
Это история не о любви. Это история о том, как от нее спастись.

ВСЕ ЗАКОНЧИТСЯ НА НАС

18+



КОЛИН ГУВЕР

Более *3 000 000 000* просмотров в *TikTok*

Колин Гувер

Все закончится на нас

«Эксмо»

2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гувер К.

Все закончится на нас / К. Гувер — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-04-178530-7

Колин Гувер – автор, которому читатели доверяют свое сердце. Ее истории доказывают: даже растоптанный цветок однажды может прорасти, чтобы стать ближе к солнцу. Более 3 000 000 000 просмотров в TikTok. Колин Гувер – литературный феномен нашего времени, троекратная обладательница премии Goodreads Choice Award в номинации «любовный роман». Ее произведения переведены на десятки языков. Она – мировой тренд. Продажи книг Колин Гувер превысили продажи Стивена Кинга и Джорджа Мартина. «Все закончится на нас» – драматическая история взаимоотношений влюбленной пары с неожиданным финалом. Это история не о любви. Это история о том, как от нее спастись. Роман высоко оценили как зарубежные, так и российские читатели. Готовится экранизация Sony Pictures с Блейк Лайвли в главной роли. Лилия – главный цветок этой книги. Что будет, если посмотреть на прекрасный цветок под другим углом? Обнажить его неприглядную сторону, прославляющую не только жизнь, но и смерть, не только начало, но и конец. Добавятся новые образы, новые смыслы, но он не перестанет быть прекрасным. Эти цветы Райл дарит Лили, чье имя только добавляет им значимости. «Я знаю, ты веришь, что он любит тебя. Но он любит тебя неправильно. Он не любит тебя так, как ты заслуживаешь, чтобы тебя любили. Если бы он по-настоящему любил тебя, он бы сам принял решение уйти, чтобы никогда больше не причинить тебе боли. Такой любви заслуживает женщина, Лили». Лили всегда упорно трудилась ради той жизни, о которой мечтала. Она проделала долгий путь: уехала из маленького города, окончила колледж и открыла свой бизнес в Бостоне. А потом Лили влюбилась в Райла. Он напорист, упрям и питает абсолютную слабость к Лили, а она не может выбросить его из головы. Райл против серьезных отношений и очень скоро Лили начинает понимать, что не все так просто. Все больше Лили одолевают сомнения. Все меняется, когда в ее жизни снова появляется первая любовь – Атлас. «Смелый и душераздирающий роман, который впивается в вас

когтями и не отпускает еще долго после того, как вы его закончили». — АННА ТОДД, автор цикла «После» «Когда красивая сказка превращается в кошмар. Это книга, которая учит не винить жертву в насилии и разрушает миф «бьет — значит любит». Со стороны кажется, что уйти от обидчика просто, но на деле это практически невыполнимая задача. Это роман о том, почему насилие — это выбор. И если вы ему подвергаетесь, это значит, что выбор сделан не в вашу пользу». – ОЛЬГА НОВАК, lifestyle блогер

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-178530-7

© Гувер К., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть первая 9
Глава 1 9
Глава 2 22
Глава 3 30
Глава 4 40
Глава 5 45
Глава 6 50
Глава 7 53
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Колин Гувер
Все закончится на нас

Colleen Hoover IT ENDS WITH US
Copyright © 2016 by Colleen Hoover
Atria Books, a Division of Simon & Schuster, Inc., is the original publisher

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Лилия – главный цветок этой книги.

Что будет, если посмотреть на прекрасный цветок под другим углом? Обнажить его неприглядную сторону, прославляющую не только жизнь, но и смерть, не только начало, но и конец. Добавятся новые образы, новые смыслы, но он не перестанет быть прекрасным.

Эти цветы Райл дарит Лили, чье имя только добавляет им значимости.

КОЛИН ГУВЕР

ВСЕ ЗАКОНЧИТСЯ НА НАС

МОСКВА
2023

Посвящается моему отцу, который изо всех сил старался не показывать самое худшее в себе.

Посвящается моей матери, которая сделала все, чтобы мы не увидели отца в самом худшем его воплощении.

Часть первая

Глава 1

Я сидела на парапете, свесив ноги по обе его стороны и глядя вниз с высоты двенадцатого этажа на улицы Бостона. Я не могла не думать о самоубийстве.

Нет, не о *моем*. Я достаточно люблю собственную жизнь, чтобы у меня появилось желание ее закончить.

Я больше думала о других людях и о том, как они в конце концов приходят к решению положить конец собственной жизни. *Сожалеют ли они об этом в конечном итоге?* Когда они уже падают, за секунду до удара о землю, во время этого краткого свободного падения их должно настигать сожаление. Может быть, они смотрят на приближающуюся землю и думают: «*Вот дерьмо. Это была плохая идея*».

Почему-то мне так не казалось.

Я много думала о смерти. Особенно в этот день, так как незадолго до этого – всего двенадцатью часами ранее – я произнесла самую запоминающуюся надгробную речь, которую доводилось слышать жителям города Плетора, штат Мэн. Ладно, возможно, она не была самой запоминающейся. Вполне вероятно, что ее сочли самой ужасной. Пожалуй, это зависело от того, кого спросить, мою мать или меня. *Скорее всего, моя мать не собиралась разговаривать со мной в течение целого года после этого*.

Не поймите меня неправильно. Надгробная речь, которую я произнесла, не была настолько глубокой, чтобы войти в историю, как слова Брук Шилдс на похоронах Майкла Джексона. Или как речь сестры Стива Джобса. Или брата Пэта Тиллмана. Но моя речь была запоминающейся по-своему.

Поначалу я нервничала. Ведь это были похороны великолепного Эндрю Блума. Обожаемого мэра моего родного города Плеторы, штат Мэн. Владельца самого успешного агентства по торговле недвижимостью в черте города. Мужа Дженни Блум, самой уважаемой помощницы учителя во всей Плеторе. И отца Лили Блум, странной девушки с непослушными рыжими волосами, которая однажды влюбилась в бездомного и навлекла позор на всю семью.

Это обо мне. Я Лили Блум, и Эндрю был моим отцом.

Как только я закончила произносить надгробную речь, я первым же рейсом вылетела в Бостон и поднялась на первую крышу, которую я смогла найти. *Опять-таки не потому, что я думала о самоубийстве*. Я не собиралась прыгать с этой крыши. Я всего лишь нуждалась в свежем воздухе и тишине. Черт побери, именно этого мне не хватало в моей квартире на третьем этаже, без доступа на крышу и с соседкой, которой нравилось собственное пение.

Но я не рассчитала, что наверху будет так холодно. Не то чтобы невыносимо, но некомфортно. По крайней мере, я видела звезды. Мертвые отцы, невыносимые соседки по квартире и сомнительные надгробные речи не кажутся такими ужасными, если ночное небо достаточно ясное, чтобы ощутить величие Вселенной.

Мне нравится, когда небо заставляет меня ощутить себя незначительной.

Мне нравился этот вечер.

Что ж… Позвольте мне выразиться иначе, чтобы вы поняли, что так было до определенного момента.

Вечер мне нравился, пока не…

Пока, к моему огромному сожалению, с грохотом не распахнулась дверь. Мне оставалось только ждать, когда лестничная площадка выплюнет на крышу человека. Дверь с грохотом закрылась, раздались быстрые шаги. Я даже не удосужилась поднять глаза. Кто бы это

ни был, он, скорее всего, даже не заметит меня, оседлавшую парапет слева от двери. Человек вышел на крышу в такой спешке, что определенно решит, будто он один. И в этом не было моей вины.

Я тихонько вздохнула, закрыла глаза и прислонилась затылком к оштукатуренной стене позади меня, проклиная Вселенную за то, что она украла у меня этот мирный момент самоанализа. Наименьшее, что Вселенная могла для меня сделать в этот вечер, – это обеспечить, чтобы вошедший оказался женщиной, а не мужчиной. Если мне послали компанию, то пусть она будет женской. Я довольно крепкая и в большинстве ситуаций смогу, вероятно, постоять за себя, но мне было неприятно оказаться на крыше ночью наедине с мужчиной. Я могла испугаться и захотеть уйти, но уходить мне на самом деле не хотелось. Как я уже говорила, мне было довольно хорошо.

Наконец я позволила глазам проделать путь до силуэта, перегнувшегося через парапет. Не повезло. Это определенно был мужчина. Хотя он и перегнулся через парапет, я поняла, что он высокого роста. Широкоплечий мужчина отчаянно сжимал голову руками. Я могла только догадываться, что его спина резко вздымается и опускается в такт тяжелому дыханию, когда он втягивал воздух и с силой выталкивал его обратно.

Казалось, что он вот-вот разрыдается. Я подумала было заговорить или кашлянуть, чтобы дать ему знать, что он не один, но пока я раздумывала, мужчина развернулся и пнул одно из уличных кресел, стоявших позади него.

Я вздрогнула, когда оно со скрежетом проехало по террасе. Мужчина вел себя так, словно не подозревал о моем присутствии. Он не ограничился одним пинком. Раз за разом он колотил ногой по креслу. Вместо того чтобы развалиться под его ударами, кресло отъезжало все дальше и дальше от него.

Это кресло, должно быть, сделано из полимера для судостроения.

Я однажды видела, как мой отец наехал на улице на стол из такого материала, и полимер только что не смеялся над ним. На бампере машины осталась вмятина, а на столе не было ни царапины.

Мужчина, должно быть, понял, что ему не справиться с таким высококачественным материалом, потому что он наконец перестал пинать кресло. Он встал над ним, опустив руки и сжав пальцы в кулаки. Честно говоря, я ему немного завидовала. Он просто взял и выплеснул агрессию на уличную мебель, как чемпион. У него явно выдался отвратительный день, как и у меня, но, если я сдерживаю агрессию, пока она не проявится в пассивно-агрессивной форме, этот парень реально дал ей выход.

Моим выходом из стресса было садоводство. Я просто выходила на задний двор и вырывала все сорняки, которые только могла обнаружить. Но после того как два года назад я переехала в Бостон, у меня больше не было заднего двора. Или патио. У меня даже сорняков не было.

Возможно, мне стоило вложиться в кресло для патио из полимера для судостроения.

Я еще немного посмотрела на парня, гадая, собирается ли он что-то предпринять. Но он просто стоял, уставившись на кресло. Его кулаки разжались. Руки уперлись в бедра, и я впервые заметила, что рубашка явно маловата ему в бицепсах. Во всем остальном она сидела нормально, но руки у него были очень мощными. Парень принялся рыться в карманах, нашел то, что искал, и – я уверена, в попытке справиться с оставшейся агрессией – закурил косяк.

Мне двадцать три года, я училась в колледже и пару раз точно так же выпускала пар с помощью косячка. Я не собиралась судить этого парня за желание покурить траву в одиночестве. Вот только он не был в одиночестве. Он просто пока еще об этом не знал.

Он сделал длинную затяжку и начал было поворачиваться обратно к парапету. Выпуская дым, он заметил меня. Как только наши глаза встретились, он остановился. При виде меня на его лице не появилось ни шока, ни удивления. Между нами было футов десять, но звезды

светили достаточно ярко, и я могла видеть его взгляд, медленно двигавшийся по моему телу, не выдавая ни единой мысли. Этот парень умел держать лицо. Его глаза сузились, губы крепко сжались. Этакий мужской вариант Моны Лизы.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Его голос я ощутила где-то глубоко в животе. Это было плохо. Голосам следует останавливаться в ушах, но иногда – очень редко, честно говоря, – голос проникает дальше и отдается во всем моем теле. У него оказался один из таких голосов. Глубокий, уверенный, немного похожий на сливочное масло.

Я не ответила, и он снова затянулся.

– Лили, – наконец произнесла я и возненавидела собственный голос. Он прозвучал слишком тихо, чтобы незнакомец его услышал, не говоря уже о том, чтобы зазвучать у него в животе.

Парень чуть приподнял голову и слегка качнул ею в мою сторону.

– Не могла бы ты слезть оттуда, Лили? Пожалуйста.

Только после этих слов я заметила его позу. Он стоял очень прямо, почти застыл. Как будто он испугался, что я вот-вот упаду. *Ничего подобного*. Парапет был по крайней мере в фут шириной, да и сидела я ближе к внутреннему краю. Я бы успела уцепиться, да и ветер дул не со стороны крыши, а со стороны улицы.

Я посмотрела вниз на свои ноги, потом снова взглянула на него.

– Нет, спасибо. Мне здесь неплохо.

Он чуть повернулся, как будто не мог смотреть прямо на меня.

– Пожалуйста, слезай. – Это было уже больше похоже на приказ, несмотря на слово «пожалуйста». – Здесь семь свободных кресел.

– Уже почти шесть, – поправила я его, напоминая, что он только что едва не раздолбил одно из них. Мой ответ его не рассмешил. В ответ на мое неподчинение он подошел на пару шагов ближе.

– Ты всего в трех дюймах от того, чтобы упасть и разбиться насмерть. Хватит с меня такого на сегодня. – Он жестом снова пригласил меня слезть. – Ты заставляешь меня нервничать. И к тому же ломаешь мне кайф.

Я округлила глаза и перекинула левую ногу через парапет.

– Нельзя впустую потратить косячок. – Я спрыгнула и вытерла руки о джинсы. – Так лучше? – поинтересовалась я, направляясь к нему.

Он с шумом выдохнул, как будто он на самом деле затаил дыхание, видя меня на парапете. Я прошла мимо него, направляясь к той части крыши, откуда открывался лучший вид. По дороге я не смогла не заметить, насколько он симпатичный. К несчастью.

Нет. Прилагательное «симпатичный» было оскорблением.

Парень был *красив*. Ухоженный, дорого пахнувший, на вид старше меня на несколько лет. Он прищурился, следя за мной, а его губы как будто сжались, хотя это было не так. Когда я дошла до той части крыши, откуда открывался вид на улицу, я оперлась на парапет и стала смотреть на машины внизу, стараясь делать вид, что он не произвел на меня впечатления. По одной только его стрижке я могла сказать, что он из тех, кто производит сильное впечатление на людей, а я не желала тешить его «я». Хотя он ничего такого не сделал, чтобы я могла подумать, будто он этого от меня ждет. Но на нем была повседневная рубашка от Burberry, а я точно знала, что ни разу не удостоилась внимания никого, кому она была бы по карману.

Я услышала шаги у себя за спиной, и через секунду он оперся о парапет рядом со мной. Уголком глаза я наблюдала, как он затягивается травкой еще раз. Потом он предложил косячок мне, но я жестом отказалась. Мне только не хватало оказаться под действием травы в присутствии этого парня. Его голос уже сам по себе был наркотиком. Мне захотелось снова его услышать, поэтому я задала ему вопрос:

– Так чем тебя настолько разозлило это кресло?

Он посмотрел на меня. Типа *по-настоящему* посмотрел на меня. Наши глаза встретились, и он просто смотрел на меня тяжелым взглядом, как будто все мои секреты были написаны у меня на лице. Никогда я не видела таких темных глаз, как у него. Может быть, и видела, но они казались еще темнее из-за того, что принадлежали такому наводящему страх мужчине. Он не ответил на мой вопрос, но мое любопытство требовало удовлетворения. Раз уж он заставил меня спуститься с уютного и комфортного парапета, то пусть и развлекает меня ответами на мои вопросы.

– Это из-за женщины? – поинтересовалась я. – Она разбила тебе сердце?

Он легко хохотнул, услышав этот вопрос.

– Если бы только мои проблемы были такими тривиальными, как разбитое сердце. – Он повернулся так, чтобы смотреть меня. – На каком этаже ты живешь? – Облизав пальцы, он сжал кончик косяка, загасил его и убрал в карман. – Я тебя никогда раньше не видел.

– Это потому, что я здесь не живу. – Я вытянула руку в сторону моего дома. – Видишь вон то здание страховой компании?

Он прищурился, вглядываясь в даль.

– Ага.

– Я живу в доме рядом. Он слишком маленький, поэтому его отсюда не видно. В нем всего три этажа.

Он снова повернулся ко мне, опершись локтем о парапет.

– Если ты живешь там, то почему ты здесь? Твой бойфренд здесь живет или кто-то еще?

Его комментарий почему-то заставил меня почувствовать себя дешевкой. Это было слишком легко, этакий любительский съем. По виду парня было ясно, что он способен на большее. Мне пришло в голову, что более искусные приемы пикапа он использует с женщинами, которых сочтет достойными этого.

– У вас тут красивая крыша, – оценила я.

Он поднял бровь, ожидая от меня более подробных объяснений.

– Мне захотелось свежего воздуха. Нужно было найти место, чтобы подумать. Я заглянула в Google Earth и нашла ближайшее жилое здание с достойным патио на крыше.

Парень посмотрел на меня с улыбкой.

– По крайней мере, ты экономна. Это хорошее качество.

По крайней мере?

Я кивнула, потому что *действительно* была экономной. И это *действительно* хорошее качество.

– Почему тебе потребовался свежий воздух? – спросил он.

Потому что сегодня я похоронила отца и произнесла эпически катастрофическую надгробную речь, и у меня появилось такое чувство, будто я не могла дышать.

Я посмотрела перед собой и медленно выдохнула.

– Мы могли бы просто помолчать немного?

Мне показалось, что он испытал облегчение, когда я попросила о тишине. Он перегнулся через парапет и опустил одну руку, уставившись вниз на улицу. Он оставался в таком положении некоторое время, и все это время я не сводила с него глаз. Вероятно, он знал об этом, но ему явно было все равно.

– В прошлом месяце с этой крыши упал парень, – сказал он.

Я могла бы обидеться из-за того, что он проигнорировал мою просьбу о тишине, но я была заинтригована.

– Несчастный случай?

Он пожал плечами:

– Никто не знает. Это произошло поздно вечером. Его жена готовила ужин, а он сказал ей, что поднимется сюда, чтобы сделать несколько снимков заката. Он был фотографом. Поли-

ция считает, что он слишком сильно перегнулся через парапет, чтобы снять панораму города, и соскользнул вниз.

Я посмотрела на парапет, гадая, как кто-то мог намеренно оказаться в такой ситуации, чтобы случайно упасть. Но потом вспомнила, как сама только что сидела на парапете.

– Когда сестра рассказала мне о том, что случилось, я мог думать только об одном: успел ли он сделать снимок. Я надеялся, что фотоаппарат не упал вместе с ним, потому что это была бы настоящая потеря, понимаешь? Умереть из-за любви к фотографии, но так и не сделать последний снимок, который стоил тебе жизни…

Я рассмеялась, хотя и не была уверена, что мне следовало над этим смеяться.

– Ты всегда говоришь то, что думаешь?

Он пожал плечами:

– Большинству людей – нет.

Я улыбнулась. Мне понравилось, что, не зная меня, он все же по какой-то причине не включил меня в это *большинство*.

Он прислонился спиной к парапету и сложил руки на груди.

– Ты здесь родилась?

Я покачала головой:

– Нет, я переехала сюда из Мэна, когда окончила колледж.

Он сморщил нос, и это было очень сексуально. Я видела перед собой парня с двухсотдолларовой стрижкой, одетого в рубашку от Burberry, который корчил рожи.

– Значит, ты оказалась в чистилище Бостона, так? Здесь не слишком-то приятно.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я.

Уголки его губ дрогнули в улыбке.

– Туристы обращаются с тобой как с местной, а местные как с туристкой.

Я рассмеялась:

– Вау! Очень точное описание.

– Я здесь всего два месяца. Я еще и до чистилища не добрался, поэтому твои дела получше, чем у меня.

– Что привело тебя в Бостон?

– Ординатура. И моя сестра здесь живет. – Он постучал ногой о пол. – Прямо под нами, на самом деле. Она замужем за бостонским технарем, и они купили весь верхний этаж.

Я посмотрела вниз.

– *Весь* верхний этаж?

Он кивнул.

– Этот счастливчик работает из дома. Ему даже не нужно вылезать из пижамы, а он зарабатывает сумму с семью нулями каждый год.

В самом деле счастливчик.

– А что за ординатура? Ты врач?

Он снова кивнул:

– Нейрохирург. Мне осталось меньше года ординатуры, и потом я стану настоящим врачом.

Стильный, умеет говорить, умный. И курит *травку*. Если этот вопрос не напрашивался сам собой, то мне бы осталось только гадать, какой напрашивался.

– Разве врачам можно курить траву?

Он фыркнул:

– Вероятно, нет. Но если бы мы время от времени не доставляли себе это удовольствие, то многие из нас перешагнули бы через этот парапет, можешь мне поверить. – Он закрыл глаза, как будто наслаждаясь ветром, обдувавшим ему лицо, и снова посмотрел перед собой. Он уже не выглядел таким устрашающим.

– Хочешь узнать кое-что, известное только местным?

– Разумеется, – откликнулся он, снова глядя на меня.

Я указала на восток.

– Видишь это строение? С зеленой крышей?

Он кивнул.

– За ним на Мелчер-стрит есть здание, на крыше которого стоит дом. Все по закону, просто дом построен на крыше. С улицы этого не видно, и здание настолько высокое, что многие люди даже не знают об этом доме.

Он явно был впечатлен.

– Правда?

Я кивнула:

– Я видела дом, когда рыскала в Google Earth, поэтому прочла о нем. Судя по всему, разрешение на строительство было выдано в 1982 году. Как такое возможно? Каково это, жить в доме на крыше здания?

– Вся крыша в твоем распоряжении.

Об этом я не подумала. Если бы у меня был такой дом, я бы посадила на крыше сад. И мне было бы где выпустить пар.

– Кто там живет? – спросил он.

– Никто не знает. Это одна из самых больших загадок Бостона.

Он рассмеялся и внимательно посмотрел на меня:

– Есть еще какая-нибудь большая загадка Бостона?

– Твое имя. – Как только я это произнесла, я тут же мысленно шлепнула себя ладонью по лбу. Это прозвучало как заигрывание. Мне оставалось только посмеяться над собой.

Он улыбнулся:

– Меня зовут Райл. Райл Кинкейд.

Я вздохнула, впитывая его имя.

– Замечательное имя.

– Почему ты говоришь это с такой грустью?

– Потому что я отдала бы что угодно за красивое имя.

– Тебе не нравится имя Лили?[1]

Я наклонила голову к плечу и выгнула одну бровь.

– Моя фамилия… Блум[2].

Он молчал. Я видела, как на его лице появляется сочувствие.

– Знаю-знаю. Это ужасно. Это имя для двухлетней девочки, а не для двадцатитрехлетней женщины.

– У двухлетней девочки останется то же имя в любом возрасте. Мы из своих имен не вырастаем, Лили Блум.

– К несчастью для меня, – сказала я. – А моя любовь к садоводству только усугубляет ситуацию. Я люблю цветы. Растения. Люблю что-то выращивать. Это моя страсть. Я всегда мечтала открыть цветочный магазин, но я боюсь, что, если это сделаю, люди не сочтут мое желание искренним. Они решат, что я пытаюсь капитализировать мое имя и работа флористом вовсе не работа моей мечты.

– Может быть, и так, но какое это имеет значение?

---

[1] В переводе с английского «лилия».

[2] В переводе с английского «цветок» или «цветение».

– Полагаю, никакого. – Я поймала себя на том, что шепотом произношу «Магазин Лили Блум», и заметила, что он улыбается. – На самом деле это замечательное имя для флориста. Но у меня диплом по бизнесу. Это будет шаг вниз, ты так не считаешь? Я работаю на самую крупную маркетинговую фирму в Бостоне.

– Иметь собственный бизнес – это ни в коем случае не шаг вниз, – сказал он.

Я подняла бровь.

– Если только он не разорится.

Он кивнул в знак согласия.

– Если только он не разорится. А второе имя у тебя какое, Лили Блум?

Я застонала, и он вскинул голову.

– Хочешь сказать, что будет еще хуже?

Я уронила голову на руки и кивнула.

– Роза?

Я покачала головой:

– Хуже.

– Вайолет?

– Если бы. – Я поморщилась и пробормотала: – *Блоссом*[3].

Он отреагировал не сразу.

– Черт подери! – негромко произнес он.

– Ага. Блоссом – это девичья фамилия моей матери, и мои родители решили, что это судьба, раз их фамилии схожи. Поэтому, когда родилась я, название цветка первым пришло им на ум.

– Твои родители, должно быть, настоящие чудаки.

Один из них. *Был*.

– Мой отец умер на этой неделе.

Райл посмотрел на меня:

– Отличный ход. Я на это не куплюсь.

– Я говорю серьезно. Поэтому я сегодня сюда и пришла. Думаю, мне просто нужно было.

Он с подозрением смотрел на меня какое-то время, чтобы убедиться, что я его не разыгрываю. Он не извинился за свои слова. Вместо этого в его глазах появилось чуть больше любопытства, как будто он мне поверил.

– Вы были близки?

Это сложный вопрос. Я опустила подбородок на руки и снова посмотрела вниз на улицу.

– Не знаю, – ответила я, пожав плечами. – Как дочь я его любила. Но как человек я его ненавидела.

Я чувствовала, что он какое-то время смотрел на меня, а потом сказал:

– Мне нравится твоя честность.

Ему нравится моя честность. Я наверняка покраснела.

Мы оба молчали, пока он не заговорил:

– Тебе когда-нибудь хотелось, чтобы люди были более прозрачными?

– Это как?

Райл поддел большим пальцем кусочек отслоившейся штукатурки, потянул, пока она не отвалилась, и бросил вниз.

– У меня такое чувство, будто все притворяются не такими, какие есть на самом деле, хотя в глубине души мы все одинаково облажались. Некоторым из нас просто удается это скрывать лучше, чем другим.

---

[3] В переводе с английского «цветок» или «цветение».

Либо он уже был под кайфом, либо любил заниматься самокопанием. В любом случае меня это устраивало. Больше всего я любила разговоры, в которых не было настоящих ответов.

– Не думаю, что скрывать свои чувства – это плохо, – сказала я. – Голая правда не всегда красива.

Его взгляд задержался на мне.

– *Голая правда*, – повторил Райл. – Мне это нравится. – Он развернулся, ушел на середину крыши, отрегулировал спинку одного из шезлонгов у меня за спиной и устроился в нем. Он вытянулся во весь рост, заложил руки за голову и посмотрел вверх на небо. Я заняла соседний шезлонг и долго возилась с ним, пока не смогла лежать в той же позе, что и Райл.

– Скажи мне голую правду, Лили.

– О чем именно?

Он пожал плечами:

– Не знаю. О чем-то таком, чем ты не гордишься. Что поможет мне в душе почувствовать себя чуть меньшим лузером.

Он смотрел в небо, дожидаясь моего ответа. Мои глаза пробежались по линии его челюсти, по изгибу щек, по контуру губ. Его брови задумчиво сошлись на переносице. Я не понимала почему, но казалось, что ему был нужен этот разговор. Я подумала о его вопросе и попробовала найти честный ответ. Когда я его нашла, я отвернулась от него и тоже уставилась в небо.

– Мой отец бил мою мать. Меня – нет. Но когда они ссорились, он настолько выходил из себя, что поднимал на нее руку. Когда это случалось, всю следующую неделю, а иногда и две, он старался это компенсировать. Он приносил маме цветы или водил нас обеих в ресторан. Иногда он покупал мне что-нибудь, потому что знал, как я ненавидела их ссоры. Ребенком я ждала, когда они поссорятся. Ведь я знала, что если он ее ударит, то следующие две недели будут замечательными. – Я помолчала. Не думаю, что я признавалась в этом даже самой себе. – Разумеется, если бы я могла, то сделала бы так, чтобы он никогда ее не бил. Но в их браке побои были неизбежны, и это стало для нас нормой. Когда я подросла, я поняла, что, не реагируя на это, я становлюсь такой же виноватой. Бóльшую часть моей жизни я ненавидела отца за то, что он такой плохой человек, но я не уверена на сто процентов, что я лучше него. Возможно, мы оба плохие люди.

Райл задумчиво посмотрел на меня.

– Лили, – многозначительно произнес он, – плохих людей не существует. Мы просто люди, которые иногда поступают плохо.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но его слова заставили меня замолчать. *Мы просто люди, которые иногда поступают плохо*. Наверное, это в каком-то смысле было правдой. Не существует абсолютно плохих людей, как нет и абсолютно хороших. Некоторым из нас просто приходится больше потрудиться, чтобы подавить это плохое.

– Теперь твоя очередь, – напомнила я ему.

По его реакции я поняла, что ему не слишком-то хочется играть в свою же игру. Райл тяжело вздохнул и провел рукой по волосам. Он открыл рот, собираясь заговорить, но тут же закрыл его. Немного подумав, он наконец произнес:

– Сегодня вечером я видел, как умер маленький мальчик. – Его голос звучал уныло. – Ему было всего пять лет. Они с братом нашли ружье в родительской спальне. Младший брат схватил его и случайно нажал на спусковой крючок.

У меня сжалось сердце. Пожалуй, для меня это было слишком тяжелой правдой.

– К тому времени, когда малыш оказался на операционном столе, уже почти ничего нельзя было сделать. Всем вокруг – сестрам, другим врачам – было жалко семью. «*Бедные родители*», – говорили они. Но когда мне пришлось выйти в зал ожидания и сообщить этим родителям, что их ребенок не выжил, мне ни капельки не было их жаль. Мне хотелось, чтобы они страдали. Мне хотелось, чтобы они почувствовали всю тяжесть своего преступления: ведь

они оставили заряженное ружье в доступном для детей месте. Мне хотелось, чтобы они знали, что они не только потеряли одного ребенка, но и разрушили жизнь другого, того, кто случайно нажал на спусковой крючок.

Господи Иисусе. Я не была готова к такому тяжелому рассказу.

Я не могла даже представить, как семья сможет с этим справиться.

– Бедный младший брат, – сказала я. – Не могу представить, как на нем скажется то, что произошло.

Райл щелчком сбросил что-то с колена.

– Это разрушит его жизнь, вот что случится.

Я повернулась на бок, чтобы видеть его, и подперла рукой голову.

– Это тяжело? Видеть подобное каждый день?

Он едва заметно покачал головой:

– Раньше было намного тяжелее, но чем чаще я сталкиваюсь со смертью, тем больше это становится частью жизни. Не могу сказать наверняка, как я к этому отношусь. – Райл снова встретился со мной взглядом. – Расскажи мне еще что-нибудь, – попросил он. – У меня такое ощущение, что моя история оказалась куда более жесткой, чем твоя.

Я не была с ним согласна, но все же рассказала о своем ужасном поступке, который я совершила всего каких-то двенадцать часов назад.

– Два дня назад мать спросила меня, буду ли я произносить надгробную речь на похоронах отца. Я ответила, что мне бы этого не хотелось, что я могу разрыдаться и мне будет трудно говорить перед толпой. Но это была ложь. Мне просто не хотелось этого делать, потому что, по моим ощущениям, надгробную речь должны произносить только те, кто уважал покойного. А я не испытывала уважения к отцу.

– Ты произнесла ее?

Я кивнула:

– Ага. Сегодня утром. – Я села и подобрала под себя ноги, продолжая смотреть на него. – Хочешь ее услышать?

Райл улыбнулся:

– Обязательно.

Я сложила руки на коленях и сделала глубокий вдох.

– Я понятия не имела, что говорить. Примерно за час до похорон я сказала матери, что не хочу ничего говорить у гроба. Она ответила, что это просто и что мой отец хотел бы, чтобы я это сделала. По ее словам, мне нужно было всего лишь подняться на возвышение и сказать пять хороших вещей о моем отце. Ну… именно это я и сделала.

Райл приподнялся на локте, явно заинтересованный. По выражению моего лица он догадался, что дальше будет хуже.

– О нет, Лили! Что ты сделала?

– Вот что. Позволь мне продемонстрировать тебе. – Я встала, обошла свое кресло, выпрямилась. Я вела себя так, будто стою перед полным залом, как это было утром. Я откашлялась.

– Здравствуйте. Меня зовут Лили Блум, я дочь покойного Эндрю Блума. Благодарю вас всех за то, что вы присоединились к нам сегодня, когда мы оплакиваем нашу потерю. Мне бы хотелось почтить память моего отца, рассказав вам пять хороших вещей о нем. Первое…

Я посмотрела на Райла и пожала плечами:

– Вот и все.

Он сел.

– То есть как все?

Я снова улеглась на свой шезлонг.

– Я стояла добрых две минуты, не говоря больше ни слова. Я не могла сказать ничего хорошего о моем отце, поэтому я просто молча стояла перед толпой, пока моя мать не поняла, что я делаю, и не послала моего дядю, чтобы тот увел меня.

Райл покачал головой:

– Ты шутишь? Ты произнесла *такую* надгробную речь на похоронах твоего отца?

Я кивнула:

– Я этим не горжусь. Тут нечем гордиться. Я хочу сказать, что если бы он был не таким плохим человеком, то я бы стояла там и говорила о нем целый час.

Райл улегся обратно.

– Вау, – протянул он, качая головой. – Ты типа моя героиня. Ты только что поджарила мертвого парня.

– Это мерзко.

– Ну… да. Голая правда причиняет боль.

Я рассмеялась.

– Твоя очередь.

– Твою историю мне не переплюнуть, – сказал он.

– Уверена, ты сможешь меня догнать.

– Не думаю.

Я округлила глаза.

– Ты можешь. Не заставляй меня чувствовать себя худшим человеком из нас двоих. Поделись со мной своей самой свежей мыслью, которую большинство людей не произнесли бы вслух.

Райл заложил руки за голову и посмотрел мне прямо в глаза:

– Я хочу тебя трахнуть.

У меня приоткрылся рот. Но я снова его захлопнула.

Я почти лишилась дара речи.

Он бросил на меня невинный взгляд.

– Ты просила поделиться самой свежей мыслью, вот я поделился. Ты красивая. Я парень. Если бы ты была из тех девушек, что на одну ночь, я бы отвел тебя вниз, в мою спальню, и трахнул бы тебя.

Я не могла даже смотреть на него. После его заявления на меня сразу нахлынуло множество чувств.

– Что ж, я не из числа девушек на одну ночь.

– Я это понял. Теперь твоя очередь.

Райл был таким беспечным, он вел себя так, будто только что не лишил меня дара речи.

– После такого мне нужно время, чтобы собраться с мыслями, – со смехом сказала я и попыталась вспомнить что-то наименее шокирующее, но я никак не могла отделаться от мысли о том, что он мне только что сказал. Возможно, из-за того, что он был нейрохирургом, мне даже в голову не приходило, что такой образованный человек может с легкостью употреблять слово «трахнуть».

Я собралась с духом… и начала:

– Ладно. Раз уж мы об этом заговорили… Первым парнем, с которым я занималась сексом, был бездомный.

Он вскинул голову и посмотрел на меня.

– О, эту историю я хотел бы услышать в подробностях.

Я вытянула руку и опустила на нее голову.

– Я выросла в Мэне. Мы жили в очень достойном районе, но улица позади нашего дома была не в лучшем состоянии. Наш задний двор упирался в заброшенный дом, рядом с которым

было два запущенных участка. Никто, кроме меня, не знал, что он там живет. Я носила ему еду, одежду и всякие мелочи. Пока отец это не обнаружил.

– И что же он сделал?

Я стиснула зубы. Зачем только я заговорила о том, о чем я все еще заставляла себя не думать каждый день?

– Он избил его. – Это было максимально откровенно.

– Твоя очередь.

Райл молча смотрел на меня некоторое время, как будто знал, что это не вся история. Но потом он отвел глаза.

– Меня отталкивает мысль о женитьбе, – заговорил он. – Мне почти тридцать, но у меня нет ни малейшего желания обзавестись женой. И *особенно* я не хочу детей. Единственное, чего я хочу от жизни, это успех. Большой успех. Но если я открыто признаюсь в этом, то это прозвучит высокомерно.

– Профессиональный успех? Или положение в обществе?

– И то и другое, – ответил Райл. – Любой может иметь детей. Любой может жениться. Но не каждый может стать нейрохирургом. И я этим очень горжусь. Я не просто хочу стать отличным нейрохирургом. Я хочу стать лучшим в этой области.

– Ты прав, это звучит высокомерно.

Он улыбнулся:

– Моя мать боится, что я трачу жизнь впустую. Потому что занят только работой.

– Ты нейрохирург, и твоя мать тобой *разочарована*? – Я засмеялась. – Боже. Невероятно. Бывают ли родители довольны своими детьми? Бывают ли дети достаточно хороши для них?

Райл покачал головой:

– Мои дети не будут мной довольны. Немногие так увлечены работой, поэтому им со мной не повезет. У меня их никогда и не будет.

– Думаю, тебя можно за это уважать, Райл. Многие люди отказываются признавать, что они слишком эгоистичны, чтобы иметь детей.

Он покачал головой:

– О, я слишком эгоистичен, чтобы иметь детей. И я определенно слишком эгоистичен, чтобы находиться в отношениях.

– И как же ты этого избегаешь? Просто ни с кем не встречаешься?

Он посмотрел мне в глаза, и на его лице появилась легкая усмешка.

– Когда у меня есть время, находятся девушки, которые удовлетворяют мои потребности. В этом отношении у меня все в порядке, если ты спрашиваешь об этом. Но любовь меня никогда не привлекала. Это всегда было для меня в большей степени обузой, чем чем-то еще.

Хотелось бы мне так же относиться к любви. Моя жизнь была бы куда легче.

– Завидую тебе. А я все еще думаю, что где-то есть для меня идеальный мужчина. Обычно я быстро разочаровываюсь, так как никто не соответствует моим стандартам. У меня такое чувство, будто я в бесконечных поисках святого Грааля.

– Тебе следовало бы испробовать мой метод, – сказал Райл.

– Какой же?

– Свидания на одну ночь. – Он поднял бровь, как будто приглашая попробовать.

Я была рада темноте, потому что мое лицо пылало.

– Я бы не смогла ни с кем переспать, если бы знала, что продолжения не будет. – Я произнесла это вслух, но моим словам, обращенным к нему, недоставало убежденности.

Райл медленно выдохнул и перекатился на спину.

– Ты не из таких девушек, не так ли? – В его голосе сквозило разочарование.

Я тоже была разочарована. Пожалуй, я бы даже не стала давать ему от ворот поворот, если бы он что-то предпринял, но я только что ликвидировала такую возможность.

– Если бы ты не стала *спать* с тем, с кем только что познакомилась… – Он снова встретился со мной взглядом. – Как далеко ты смогла бы зайти?

На этот вопрос у меня не было ответа. Я легла на спину: то, как он смотрел на меня, заставляло меня передумать насчет свиданий на одну ночь. Не то чтобы я реально была против них, мне просто никогда не предлагал этого мужчина, с которым я была бы готова на это пойти.

До этого момента. Но действительно ли он мне это предлагал? Я никогда не умела флиртовать.

Райл протянул руку, ухватился за край моего шезлонга и одним быстрым движением, с минимальным усилием, придвинул мой шезлонг к своему, пока они не стукнулись друг о друга.

Мое тело застыло. Он был так близко ко мне, что я чувствовала тепло его дыхания в холодном воздухе. Если бы мне нужно было взглянуть на него, то его лицо оказалось бы всего в нескольких дюймах от моего. Я отказывалась на него смотреть, потому что он наверняка собирался поцеловать меня, а я о нем ничего не знала, если не считать парочки голых правд. Но когда он положил свою тяжелую руку мне на живот, я не испытала угрызений совести.

– Как далеко ты могла бы зайти, Лили? – Его голос звучал возбуждающе мягко, пронизывая меня до кончиков пальцев ног.

– Не знаю, – прошептала я.

Его пальцы поползли к краю моей рубашки, медленно приподняли его, пока не показался живот.

– Боже… – выдохнула я, чувствуя тепло его руки на своем животе.

Вопреки собственному благоразумию я снова посмотрела ему в лицо, и выражение его глаз заворожило меня. В них были и надежда, и голод, и абсолютная уверенность. Райл закусил нижнюю губу, когда его рука начала пробираться выше под моей рубашкой. Я знала, что он чувствует бешеное биение моего сердца. Черт, он наверняка это слышал.

– Это не слишком далеко? – спросил он.

Не знаю, откуда это во мне взялось, но я покачала головой и ответила:

– Вовсе нет.

Райл усмехнулся, его пальцы коснулись моего бюстгальтера, щекоча кожу, которая внезапно покрылась мурашками.

Мои веки опустились, и в этот момент раздался пронзительный звонок. Рука Райла застыла, когда мы оба поняли, что это звонил телефон. *Его* телефон.

Он уткнулся лбом в мое плечо.

– Проклятье.

Я нахмурилась, когда его рука выскользнула из-под моей рубашки. Райл вытащил телефон из кармана, встал и отошел на несколько футов, чтобы ответить на звонок.

– Доктор Кинкейд слушает, – сказал он и застыл, обхватив рукой шею сзади. – А где Робертс? Я не должен сейчас отвечать на звонки. – Снова молчание. – Ладно, дайте мне десять минут. Я уже еду.

Он закончил разговор, сунул телефон обратно в карман и повернулся ко мне. Вид у него был несколько разочарованный. Он указал на дверь, ведущую на лестницу.

– Я должен…

Я кивнула.

– Все в порядке.

Райл посмотрел на меня, потом поднял руку.

– Не двигайся, – попросил он и снова потянулся за телефоном. Он подошел чуть ближе и поднял телефон выше, как будто собираясь сфотографировать меня. Я хотела запротестовать, даже не зная почему. Я была полностью одета, просто по какой-то причине мне это показалось неправильным.

Райл сфотографировал меня лежащей на уличном шезлонге с расслабленно закинутыми за голову руками. Я понятия не имела, что он намерен сделать с этим снимком, но я была рада, что он его сделал. Мне понравилось, что ему захотелось запомнить меня, хотя он и знал, что больше никогда меня не увидит.

Райл несколько секунд смотрел на экран, потом улыбнулся. Я едва не сфотографировала его в ответ, но я сомневалась, что мне захочется иметь напоминание о человеке, которого я больше никогда не увижу. И от этой мысли мне стало немного грустно.

– Приятно было познакомиться с тобой, Лили Блум. Надеюсь, ты бросишь вызов несостоятельности многих иллюзий и осуществишь свои мечты.

Я улыбнулась, в равной степени опечаленная и сбитая с толку этим парнем. Пожалуй, я раньше ни с кем подобным ему время не проводила, ни с кем, с настолько иным стилем жизни и совершенно другим уровнем доходов. И, вероятно, никогда больше не проведу. Но меня приятно удивило то, что мы оказались не такими уж разными.

Неправильное представление подтверждено.

В позе Райла сквозила неуверенность, пока он разглядывал пол у себя под ногами. Как будто он завис между желанием сказать мне что-то еще и необходимостью уйти. Он бросил на меня последний взгляд, и на этот раз в его лице не было прежней невозмутимости. Его губы выдавали разочарование, но он развернулся, пошел к двери и открыл ее. Я услышала стихающий звук его шагов, когда он побежал вниз по лестнице. Я снова осталась одна на крыше, но почему-то меня это больше не радовало.

Глава 2

Люси, та самая соседка по квартире, которая любила громко петь, металась по гостиной, собирая ключи, обувь, солнечные очки. Я сидела на диване со старыми обувными коробками, набитыми вещами из тех времен, когда я жила дома. Я схватила их, когда приезжала домой на похороны отца на этой неделе.

– Ты сегодня работаешь? – спросила Люси.

– Не-а. У меня отпуск до понедельника из-за траура.

Она прекратила бегать.

– До понедельника? – Она фыркнула. – Везучая сучка.

– Да, Люси. Мне *так* повезло, что мой отец умер. – Я произнесла это с сарказмом, но поморщилась, поняв, что сарказма было не слишком много.

– Ты поняла, о чем я, – пробормотала она, схватила сумочку, балансируя на одной ноге и пытаясь надеть туфлю на другую. – Я сегодня ночевать не приду. Останусь у Алекса. – За ней захлопнулась дверь.

На первый взгляд у нас с ней было немало общего, но если не считать одинакового размера одежды, одного возраста и имен из четырех букв, начинающихся на «Л» и заканчивающихся на «И», то больше не было ничего, что могло бы сделать нас чем-то большим, чем просто соседками по квартире. Меня это вполне устраивало. Если не считать беспрерывного пения Люси, ее вполне можно было выносить. Она была чистюлей и дома бывала нечасто. Для соседки по квартире это самые главные качества.

Я снимала крышку с одной из обувных коробок, когда мой телефон зазвонил. Я потянулась, схватила его и увидела, что это звонила мать. Я уткнулась лицом в подушку, изобразила рыдания и поднесла телефон к уху.

– Алло?

После трех секунд молчания я услышала ее голос:

– Здравствуй, Лили.

Я вздохнула и выпрямилась на диване.

– Привет, мам. – Я была искренне удивлена тем, что она разговаривает со мной. После похорон прошел всего день. Я ожидала услышать ее только через 364 дня.

– Как ты? – спросила я.

Она театрально вздохнула.

– Отлично, – сказала она. – Твои тетя и дядя вернулись в Небраску сегодня утром. Это будет моя первая ночь в одиночестве после…

– С тобой все будет в порядке, мама. – Я старалась говорить уверенно.

Она слишком долго молчала, потом произнесла:

– Лили, я просто хочу, чтобы ты знала, что тебе незачем переживать из-за того, что случилось вчера.

Я молчала. *Я не переживала. Ни капельки.*

– Каждый может сорваться. Мне не следовало давить на тебя, зная, что тебе и без этого тяжело. Лучше бы речь произнес твой дядя.

Я закрыла глаза. *Начинается*. Она просто закрывала глаза на то, что не хотела видеть. Брала на себя вину, причем чужую. *Разумеется*, она убедила себя, что на похоронах я просто не смогла говорить, поэтому молчала. *Конечно же, она это сделала*. Я едва не сказала ей, что это не было ошибкой. Я могла говорить, просто мне нечего было сказать хорошего о ничем не примечательном мужчине, которого она выбрала мне в отцы.

Но я все же чувствовала себя виноватой из-за того, что сделала. И уж тем более мне не стоило этого делать в присутствии матери. Поэтому я просто приняла то, что она делала, и смирилась с этим.

– Спасибо, мам. Прости, что я не справилась.

– Все в порядке, Лили. Мне пора идти, меня ждут в страховой компании. Мне назначили встречу по поводу страховок твоего отца. Позвони мне завтра, ладно?

– Позвоню, – пообещала я. – Я люблю тебя, мама.

Я закончила разговор, отшвырнула телефон в другой конец дивана, открыла крышку на коробке, стоявшей у меня на коленях, и вытащила содержимое. Сверху лежало маленькое полое деревянное сердце. Я пробежалась по нему пальцами и вспомнила ночь, когда мне его подарили. Как только стали всплывать воспоминания, я отложила сердце в сторону. Ностальгия – забавная штука.

Я вынула из коробки старые письма и газетные вырезки. Под ними я нашла то, что, как я надеялась, лежало в одной из этих коробок. И надеялась, что этого там не окажется.

Мои дневники для Эллен.

Я погладила их. В этой коробке лежало три, но всего их было восемь или девять. Сделав в них последнюю запись, я их больше никогда не перечитывала.

Я отказывалась признавать, что вела дневник, когда была моложе, потому что это было клише. Вместо этого я убедила себя, что это было круто, так как с технической точки зрения мои записи не были дневником. Каждую из них я адресовала Эллен Дедженерес, потому что я начала смотреть ее шоу с первого выпуска в 2003 году, когда я была совсем еще девочкой. Я смотрела его каждый день после школы и была убеждена, что я бы Эллен понравилась, если бы она со мной познакомилась. До шестнадцатилетия я регулярно писала ей письма, но писала их так, как делала бы записи в дневнике. Разумеется, я понимала, что Эллен Дедженерес меньше всего на свете были нужны записи в дневнике какой-то случайной девчонки. К счастью, я ни разу не отправила ей ни одно из «писем». Но мне все равно нравилось адресовать записи ей, поэтому я продолжала это делать до тех пор, пока совсем не перестала вести дневник.

Я открыла еще одну обувную коробку и обнаружила другие дневники. Я перебирала их, пока не нашла тот, который вела в пятнадцать лет. Я начала его перелистывать в поисках того дня, когда я познакомилась с Атласом. До того, как он вошел в мою жизнь, мне особо не о чем было писать, но я каким-то образом сумела заполнить шесть дневников, прежде чем он появился.

Я поклялась, что никогда не буду перечитывать эти записи, но после смерти отца я много думала о моем детстве. Возможно, если я прочитаю эти записи, я каким-то образом найду силы для прощения. Хотя я понимала, что рискую только усилить свое неприятие.

Я улеглась на диван и принялась читать.

> *Дорогая Эллен!*
>
> *Прежде чем я напишу тебе о том, что случилось сегодня, я расскажу тебе о новой серии, которую я придумала для твоего шоу. Она называется* «Эллен дома».

Думаю, многие люди хотели бы увидеть тебя вне работы. Я всегда гадаю, какая ты дома, когда там только ты и Порша и вокруг нет камер. Возможно, продюсеры могут дать ей камеру, чтобы она иногда снимала тебя за обычными занятиями: когда ты смотришь ТВ, готовишь или занимаешься садом. Она могла бы снимать тебя несколько секунд без твоего ведома, а потом бы воскликнула: «Эллен дома!» *– и напугать тебя. И это было бы честно, потому что ты любишь розыгрыши.*

О'кей, я тебе это сказала (я все собиралась сделать это, но забывала), а теперь расскажу о своем вчерашнем дне. Он был интересным. Пожалуй, это был самый интересный день в моей жизни, если не считать того дня, когда Эбигейл Айвори дала пощечину мистеру Карсону за то, что он смотрел на ее декольте.

Ты помнишь, как некоторое время назад я писала тебе о нашей соседке миссис Берлсон? Она умерла во время сильной снежной бури. Мой отец сказал, что она столько задолжала по налогам, что ее дочь не смогла вступить во владение домом. Думаю, ее это вполне устроило, так как дом все равно начал разваливаться. Вероятно, он бы стал для нее обузой.

Дом пустовал после смерти миссис Берлсон, то есть уже два года. Я знала, что дом пуст, потому что окно моей спальни выходит на него, и, насколько я видела, никто не входил в него и не выходил за все это время.

До прошлой ночи.

Я сидела в постели, тасовала карты. Звучит странно, но я это делаю. Я даже не умею играть в карты. Но когда мои родители начинают ссориться, я тасую карты и успокаиваюсь, сосредотачиваясь на этом.

Короче говоря, на улице было темно, поэтому я сразу заметила свет. Он был неяркий, но шел из старого дома. Это было больше всего похоже на свет свечи, поэтому я вышла на заднее крыльцо и нашла папин бинокль. Я попробовала рассмотреть, что там происходит, но ничего не увидела. Было слишком темно. Через некоторое время свет погас.

Этим утром, пока я собиралась в школу, я увидела, как что-то движется в том доме. Я пригнулась у окна спальни и увидела, как кто-то выходит из задней двери. Это был парень с рюкзаком. Он огляделся по сторонам, как будто хотел убедиться, что его никто не заметил, а потом прошел между нашим домом и соседским и вышел на автобусную остановку.

Я никогда его раньше не видела. Он впервые ехал на моем школьном автобусе. Он сел сзади, я села в середине, поэтому я с ним не разговаривала. Но когда он вышел из автобуса у школы, я увидела, что он направился именно туда. Получается, он там учится.

Понятия не имею, почему он спал в том доме. Вероятно, там нет электричества и водопровод не работает. Я подумала, что он заключил пари, но сегодня он вышел из автобуса на той же остановке, что и я. Он прошел по улице с таким видом, будто направлялся куда-то еще. Но я сразу побежала в свою комнату и стала смотреть в окно. И точно, через несколько минут я увидела, как он проскальзывает в пустой дом.

Не знаю, должна ли я сказать об этом матери. Ненавижу совать нос в чужие дела, потому что это меня не касается. Но если этому парню некуда идти, мне кажется, что моя мать сможет ему помочь, потому что она работает в школе.

Не знаю. Я, наверное, подожду пару дней, прежде чем рассказать о нем, и посмотрю, вернется ли он к себе домой. Возможно, ему просто было нужно отдохнуть от родителей. Мне и самой иногда этого хочется.

Вот и все. Я напишу тебе о том, что будет завтра.
– Лили

Дорогая Эллен!

Когда я смотрела твое шоу, я промотала вперед все твои танцы. Раньше я смотрела с самого начала, когда ты танцевала среди зрителей. Но теперь мне стало немного скучно и хочется послушать то, что ты скажешь. Надеюсь, ты на меня не сердишься за это.

О'кей, я выяснила, кто этот парень, и да, он по-прежнему живет в заброшенном доме. Прошло уже два дня, а я все еще ничего никому не рассказала.

Его зовут Атлас Корриган, он учится в старших классах, но больше я ничего не узнала. Я спросила Кэти, сидевшую рядом со мной в автобусе, кто он такой. Она округлила глаза и назвала мне его имя. Но потом добавила: «Я больше ничего о нем не знаю, но от него воняет». И она сморщила нос, как будто ей неприятно. Мне захотелось накричать на нее, сказать, что он в этом не виноват, что в его доме не работает водопровод. Но вместо этого я просто оглянулась на него. Должно быть, я смотрела слишком долго, потому что он заметил мой взгляд.

Вернувшись домой, я вышла на задний двор, чтобы поработать немного в саду. Редис уже можно было вытаскивать, вот этим я и занялась. В моем саду только редис и остался. Холодает, поэтому я почти ничего не могу сейчас посадить. Наверное, я могла бы подождать еще несколько дней, но я была в саду, потому что мне было любопытно.

Вытаскивая редис, я заметила, что не хватает несколько штук. Все выглядело так, словно их просто выкопали. Я точно помню, что я их не вытаскивала, а мои родители никогда ничего не делают в моем саду.

И тогда я подумала об Атласе. Скорее всего, это сделал он. Я подумала, что если он не может принять душ, то у него и еды, вероятно, нет.

Я вернулась в дом, сделала парочку сэндвичей, вытащила из холодильника две банки с содовой и взяла пакет чипсов. Я сложила все в пакет для ланча, отнесла все к заброшенному дому и оставила на заднем крыльце у самой двери. Я не была уверена, что Атлас меня видел, поэтому я громко постучала и сразу убежала. Я сразу вернулась к себе в спальню. К тому моменту, когда я оказалась у окна, чтобы увидеть, как он выходит, пакет уже исчез.

В этот момент я поняла, что он за мной наблюдает. И я вроде как нервничаю теперь, когда он знает, что я знаю о том, что он живет в доме. Представить не могу, что ему скажу, если завтра он со мной заговорит.
– Лили

Дорогая Эллен!

Сегодня я видела твое интервью с кандидатом в президенты Бараком Обамой. Ты нервничала? Ведь это было интервью с человеком, который, возможно, будет управлять страной. Я мало знаю о политике, но не думаю, что мне было бы весело под таким давлением.

Боже. Столько всего случилось с нами обеими. Ты только что брала интервью у того, кто может стать нашим следующим президентом, а я кормлю бездомного парня.

Этим утром, когда я пришла на остановку автобуса, Атлас уже был там. Сначала мы были только вдвоем. Не стану врать, мне было неловко. Я видела, что автобус выезжает из-за угла, и мне хотелось, чтобы он ехал немного быстрее. В ту секунду, когда автобус остановился, Атлас подошел ко мне на шаг ближе и, не поднимая глаз, сказал: «Спасибо».

Двери автобуса открылись, и он пропустил меня вперед. Я не ответила ему «пожалуйста», потому что была в шоке от своей реакции. От его голоса у меня побежали мурашки, Эллен.

А с тобой такое бывало от мужского голоса?

Ой, прости. У тебя бежали мурашки от голоса девушки?

По дороге в школу он не сел рядом со мной, но по дороге домой он вошел в автобус последним. Свободных мест не оставалось, но по тому, как он осматривал сидящих в автобусе, я поняла, что он ищет не свободное место, а меня.

Когда наши глаза встретились, я очень быстро перевела взгляд на свои колени. Ненавижу себя за то, что не чувствую себя уверенно с мальчиками. Может быть, это придет с возрастом, когда мне наконец исполнится шестнадцать.

Атлас сел рядом со мной и бросил рюкзак на пол между своими ногами. И тут я заметила то, о чем говорила Кэти. От него действительно пахло, но я его за это не осудила.

Сначала он молчал, но теребил дыру на своих джинсах. Это была не та прореха, которые делают на джинсах, чтобы они были стильными. Я поняла, что это настоящая дырка, потому что у него старые джинсы. Они явно были ему маловаты, потому что не закрывали лодыжки. Но он был достаточно тощим, чтобы во всех остальных местах они сидели на нем нормально.

– Ты кому-нибудь сказала? – спросил он меня.

Я посмотрела на него, когда он заговорил, и он посмотрел мне прямо в глаза, как будто волновался. Я впервые по-настоящему рассмотрела его. У него были темно-каштановые волосы, но я подумала, что, возможно, если бы он их вымыл, они бы не были такими темными. Глаза у него были яркими, в отличие от всего остального. Настоящие голубые глаза, как у сибирских хаски. Мне не следовало бы сравнивать его глаза с собачьими, но это первое, что пришло мне в голову, когда я их увидела.

Я покачала головой и снова отвернулась к окну. Я подумала, что он может встать и найти другое место, так как он выяснил, что я ничего никому не сказала. Но он этого не сделал. Автобус остановился несколько раз, и то, что он продолжал сидеть рядом со мной, придало мне немного смелости. И я шепотом спросила:

– Почему ты не живешь дома с родителями?

Он смотрел на меня несколько секунд, как будто пытался решить, доверять мне или нет. Потом ответил:

– Потому что они этого не хотят.

После этого он встал. Я подумала, что разозлила его, но потом поняла, что автобус подъезжает к нашей остановке. Я схватила свои вещи и вышла

следом за ним из автобуса. Он не пытался скрыть, куда направляется, как делал раньше. Обычно он проходил чуть дальше по улице и обходил квартал, чтобы я не видела, как он проходит через наш задний двор. Но в этот раз он пошел вместе со мной к моему дому.

Когда мы подошли к тому месту, где я обычно сворачивала к дому, а он проходил дальше, мы оба остановились. Он поддел носком кусок грязи и посмотрел через мое плечо на наш дом.

– В котором часу твои родители возвращаются домой?

– Около пяти, – ответила я. На часах было 3.45.

Он кивнул. У него был такой вид, как будто он собирался что-то сказать, но он ничего не сказал. Он просто кивнул еще раз и направился к тому дому без воды и электричества.

Эллен, я понимаю, что поступила глупо, поэтому тебе незачем мне это говорить. Я окликнула его, а когда он остановился и обернулся, сказала:

– Если ты поторопишься, то успеешь принять душ до их прихода.

Сердце у меня билось очень быстро, потому что я понимала, какие у меня будут неприятности, если родители вернутся домой и обнаружат бездомного парня в нашем душе. Мне бы, наверное, лучше было бы умереть. Но я просто не могла смотреть, как он уходил к своему дому, и не предложить ему хоть что-то.

Он снова посмотрел на землю, и я ощутила его неловкость у себя в животе. Он даже не кивнул. Он просто вошел в дом следом за мной и так и не сказал ни слова.

Все то время, пока он был в душе, я паниковала. Я все время выглядывала в окно и проверяла, не подъехала ли машина кого-то из родителей, хотя я прекрасно знала, что до их возвращения еще целый час. Я нервничала из-за того, что кто-то из соседей мог заметить, как Атлас входит в наш дом. Но они не настолько хорошо меня знали, чтобы счесть приход гостя чем-то необычным.

Я дала Атласу сменную одежду. Я понимала, что к моменту возвращения родителей ему нужно не только уйти из нашего дома, но и оказаться как можно дальше от него. Я уверена, что мой отец наверняка узнает собственные вещи на каком-то случайном подростке, живущем по соседству.

Я смотрела то в окно, то на часы и одновременно набивала свой старый рюкзак нужными вещами. Я уложила еду, которая могла храниться без холодильника, пару папиных футболок, джинсы, которые, вероятно, окажутся ему на пару размеров велики, и смену носков.

Я как раз застегивала рюкзак, когда Атлас появился в коридоре.

Я была права. Даже мокрыми его волосы были светлее, чем раньше. И от этого его глаза стали еще более голубыми.

Он, должно быть, побрился, пока был в душе, потому что теперь выглядел моложе. Я сглотнула и перевела взгляд на рюкзак, потому что была в шоке от того, как изменился этот парень. Я испугалась, что он прочтет мои мысли.

Я снова выглянула в окно и протянула ему рюкзак.

– Тебе лучше выйти через заднюю дверь, чтобы тебя никто не увидел.

Он взял рюкзак у меня из рук и с минуту смотрел мне в лицо.

– Как тебя зовут? – спросил он, вешая рюкзак на плечо.

– Лили.

Он улыбнулся. Я впервые видела его улыбку, и мне в голову пришла глупейшая мысль. Я гадала, как у парня с такой потрясающей улыбкой могли быть такие дерьмовые родители. Я мгновенно возненавидела себя за такую мысль, потому что родители, разумеется, должны любить своих детей, какими бы симпатичными или страшненькими, тощими или толстыми, умными или глупыми они ни были. Но иногда невозможно контролировать свои мысли. Ты просто должен отмахнуться от них в следующий раз.

Он протянул мне руку и сказал:

– А я Атлас.

– Я знаю, – ответила я, не пожимая его руки. Не знаю, почему я не пожала ему руку. Это не потому, что я боялась до него дотронуться. То есть мне все-таки было страшно к нему прикоснуться. Но не потому, что я считала себя лучше него. Он просто заставлял меня нервничать.

Он опустил руку, кивнул и сказал:

– Думаю, мне лучше уйти.

Я отошла в сторону, чтобы он мог пройти мимо меня. Он дернул головой в сторону коридора, без слов спрашивая, как пройти к задней двери. Я кивнула и пошла следом за ним мимо кухни. Когда он почти подошел к задней двери, я заметила, что он на мгновение остановился, когда увидел мою спальню.

Мне вдруг стало неловко от того, что он видит мою комнату. Никто никогда раньше ее не видел, поэтому мне и в голову не приходило придать ей более взрослый вид. У меня с двенадцати лет оставались розовые шторы и такого же цвета покрывало на кровати. Впервые мне захотелось сорвать со стены постер с изображением Адама Броди[4].

Атласу было как будто все равно, как украшена моя комната. Он смотрел только на мое окно, то самое, выходившее на задний двор. Потом он повернулся ко мне. Перед тем как выйти из дома, он сказал:

– Спасибо тебе, Лили, что не отнеслась ко мне с пренебрежением.

И он ушел.

Разумеется, я слышала слово «пренебрежение»*, но было странным услышать его от парня-подростка. И еще более странным было то, что все в Атласе было противоречивым. Как мог оказаться бездомным этот скромный парень с хорошими манерами, который использует такие слова, как* «пренебрежение»*? Как вообще подросток мог оказаться бездомным?*

Мне нужно это выяснить, Эллен.

Я намерена разузнать, что с ним случилось. Подожди, и ты увидишь.
– Лили

* * *

Я собралась прочесть следующую запись, но тут зазвонил мой телефон. Я добралась по дивану до трубки и ни капельки не удивилась, увидев, что это опять звонила мать. Теперь, когда мой отец умер и она осталась одна, мама, вероятно, станет звонить мне в два раза чаще, чем раньше.

[4] Актер, сценарист, продюсер. Наиболее известен по роли Сета Коэна в сериале «Одинокие сердца».

– Алло?

– Что ты думаешь о моем переезде в Бостон? – выпалила она.

Я прижала к себе подушку и уткнулась в нее лицом, чтобы подавить стон.

– Гм. *Вау*, – сумела выдавить я. – Ты серьезно?

Она помолчала немного, потом ответила:

– Это всего лишь идея. Мы сможем обсудить это завтра. Я почти доехала до страховой компании.

– О'кей. Пока.

Мне сразу захотелось уехать из Массачусетса. *Она не могла сюда переехать.* Мама никого здесь не знала. Она стала бы ожидать от меня, чтобы я развлекала ее каждый день. Не поймите меня неправильно, я люблю мать, но я переехала в Бостон, чтобы жить самостоятельно. Если бы она жила в одном городе со мной, я бы чувствовала себя менее независимой.

У моего отца диагностировали рак три года назад, когда я еще училась в колледже. Если бы Райл Кинкейд оказался в этот момент рядом со мной, я бы сказала ему голую правду о том, что у меня немного отлегло от сердца, когда мой отец слишком ослабел, чтобы причинить физическую боль моей матери. Это полностью изменило динамику их отношений, и я перестала чувствовать себя обязанной оставаться в Плеторе, чтобы оберегать мать.

Но теперь отец умер, и мне больше никогда не придется тревожиться о матери. Поэтому я собиралась расправить крылья, если можно так выразиться.

И вот мама собралась переехать в Бостон…

Это ощущалось так, словно мне вдруг крылья подрезали.

Где то уличное кресло из полимера для судостроения, когда оно мне было так необходимо?

Новость стала для меня стрессом, и я понятия не имела, что я стану делать, если мать все же переедет в Бостон. У меня не было ни сада, ни двора, ни патио, ни сорняков.

Мне нужно найти другую отдушину.

Я решила заняться уборкой. Сложила все обувные коробки со старыми журналами и записями в платяной шкаф в спальне. Потом навела порядок в шкафу. Разобрала украшения, обувь, одежду…

Она не может переехать в Бостон.

Глава 3

Шесть месяцев спустя

– О…

И больше она ничего не сказала.

Мать повернулась и оценила помещение, проводя пальцем по ближайшему подоконнику. Она собрала слой пыли и растерла его между пальцами.

– Это…

– Я понимаю, здесь требуется серьезно поработать, – прервала я ее и указала на окна у нее за спиной. – Но посмотри на фасад магазина. У него есть потенциал.

Мать, кивая, посмотрела на окна. Когда она с чем-то соглашалась, она издавала странный звук горлом, но губы ее при этом оставались сжатыми. Это означало, что она на самом деле *не согласна*. И я услышала этот звук. *Дважды*.

Я опустила руки, сдаваясь.

– По-твоему, я сделала глупость?

Мать еле заметно покачала головой.

– Все зависит от того, как пойдут дела, Лили, – сказала она. Раньше в этом здании был ресторан, и в зале все еще оставались старые столы и стулья. Мать подошла к ближайшему столу, выдвинула стул и села. – Если все сложится и твой цветочный магазин будет успешным, тогда люди скажут, что это было смелое и умное деловое решение. Но если бизнес не пойдет и ты потеряешь все свое наследство…

– Тогда люди скажут, что это было *глупое* деловое решение.

Она пожала плечами:

– Так это работает. У тебя диплом по бизнесу, ты сама об этом знаешь. – Мать медленно оглядела зал, как будто представляла, как это будет выглядеть через месяц. – Просто сделай все для того, чтобы решение оказалось смелым и умным, Лили.

Я улыбнулась. *Вот это я могу принять*.

– Не могу поверить, что я это купила, не посоветовавшись сначала с тобой, – сказала я и уселась на стол.

– Ты взрослая. Это твое право, – ответила мать, но в ее голосе я услышала нотки разочарования. Пожалуй, теперь она чувствовала себя все более одинокой, а я нуждалась в ней все меньше и меньше. Прошло полгода после смерти моего отца, и хотя он был не лучшим компаньоном, матери наверняка было непривычно жить в одиночестве. Она нашла работу в одной из начальных школ, поэтому она все же переехала в Бостон. Она выбрала небольшой пригород на выезде из города, купила симпатичный стоявший в тупике дом с двумя спальнями и с огромным задним двором. Я мечтала посадить там сад, но он бы потребовал ежедневного ухода. А мой лимит – визит раз в неделю, иногда два раза.

– Что ты собираешься делать со всем этим мусором? – спросила мать.

Она была права. Мусора было действительно много. Чтобы расчистить это место, потребуется целая вечность.

– Понятия не имею. Мне придется некоторое время поработать, засучив рукава, прежде чем я смогу хотя бы задуматься о декоре.

– Когда твой последний день в маркетинговой фирме?

Я улыбнулась:

– Вчера.

Мать вздохнула, потом покачала головой:

– Ох, Лили. Я надеюсь, что все сложится в твою пользу.

Мы оба начали подниматься с мест, когда открылась входная дверь, от которой нас отделял стеллаж. Поэтому я выглянула из-за него и увидела, как в магазин вошла женщина. Ее глаза быстро обежали зал, пока она не увидела меня.

– Привет, – поздоровалась она и помахала рукой. Женщина была симпатичной и хорошо одетой, но на ней были белые брюки-капри. Катастрофа в этом полном пыли помещении.

– Чем я могу вам помочь?

Она сунула сумочку под локоть и направилась ко мне, протягивая руку.

– Я Алиса, – назвалась женщина. Я пожала ей руку.

– Лили.

Она указала большим пальцем через плечо.

– Это твое объявление о том, что требуется помощь?

Я посмотрела туда же и удивленно подняла бровь.

– Оно там есть? – *Я не вешала никакого объявления*.

Алиса кивнула, потом пожала плечами.

– Хотя оно выглядит старым, – сказала она. – Вероятно, оно провисело там уже некоторое время. Я вышла прогуляться и увидела его. Мне просто стало любопытно, только и всего.

Она понравилась мне практически сразу. Голос у нее был приятный, улыбка казалась искренней.

Рука матери опустилась на мое плечо, она нагнулась ко мне и поцеловала в щеку.

– Мне пора идти, – сказала она. – Сегодня у меня день открытых дверей.

Я попрощалась с ней, посмотрела ей вслед, пока она выходила на улицу, а потом снова повернулась к Алисе.

– На самом деле я пока не набираю персонал, – объяснила я и рукой обвела зал. – Я собираюсь открыть цветочный магазин, но до этого еще месяца два, не меньше. – Мне, конечно, следовало бы воздержаться от предвзятого мнения, но она не выглядела так, будто ей хватит минимальной оплаты. Ее сумочка, вероятно, стоила больше, чем это помещение.

Ее глаза загорелись.

– Правда? Я люблю цветы! – Она развернулась на каблуках и сказала: – В этом месте море потенциала. В какой цвет покрасишь стены?

Я сложила руки на груди и ухватила себя за локти. Покачиваясь на каблуках, я ответила:

– Не знаю пока. Всего час назад я получила ключи от помещения, поэтому у меня пока нет никакого плана, как его оформить.

– Лили, верно?

Я кивнула.

– Я не собираюсь делать вид, что у меня есть диплом дизайнера, но я это обожаю. Если тебе потребуется любая помощь, я к твоим услугам и сделаю все бесплатно.

Я склонила голову к плечу.

– Ты будешь работать бесплатно?

Алиса кивнула:

– Работа мне на самом деле не нужна. Я просто увидела объявление и подумала: «Почему нет?» Просто мне иногда становится скучно, и я буду рада помочь тебе в любом деле. Уборка, декор, выбор цвета краски. Я фанат пинтереста. – Что-то за моей спиной привлекло ее внимание, и она ткнула пальцем в том направлении. – Я могла бы взять ту сломанную дверь и сделать ее великолепной. На самом деле я могу забрать *все*. Всему найдется применение, знаешь ли.

Я оглядела зал, отлично понимая, что одной мне с этим не справиться. Половину из этого хлама я даже поднять одна не смогу.

– Я не собираюсь позволять тебе работать бесплатно. Но я могла бы платить десять долларов в час, если ты говоришь серьезно.

Алиса захлопала в ладоши и наверняка запрыгала бы на месте, если бы не была на каблуках.

– Когда я могу начать?

Я посмотрела на ее белые капри.

– Как насчет завтра? Ты, возможно, захочешь прийти в более подходящей одежде.

Алиса отмахнулась от меня, бросила сумочку Hermes на пыльный стол рядом с ней.

– Глупости, – заявила она. – Мой муж смотрит игру команды «Бостон Брюинз» в баре на этой улице. Если ты не возражаешь, я побуду с тобой и начну прямо сейчас.

Два часа спустя я уже не сомневалась, что встретила новую лучшую подругу. И она действительно оказалась фанатом пинтереста.

Мы написали «Оставить» и «Выбросить» на стикерах и налепили их на все, что было в зале. Алиса, как и я, верила в переработку, поэтому мы нашли применение по крайней мере для 75 процентов того, что оставалось в зале. Остальное, по ее словам, сможет выбросить ее муж, когда у него будет свободное время. Как только мы разобрались с мебелью, я схватила блокнот и ручку, и мы уселись за один из столиков, чтобы записать идеи дизайна.

– О'кей, – выдохнула Алиса, откидываясь на спинку стула. Я едва не рассмеялась, потому что ее белые капри покрылись грязью, но ей явно было все равно. – Какая у тебя цель? Как ты собираешься использовать это помещение? – спросила она, оглядываясь.

– Моя цель – преуспеть, – ответила я.

Она рассмеялась:

– Ни минуты не сомневаюсь, что ты преуспеешь. Но тебе нужна концепция.

Я подумала о словах матери. «*Просто сделай все для того, чтобы решение оказалось смелым и умным, Лили*». Я улыбнулась и села прямее на своем стуле.

– Мне нужен смелый дизайн. Я хочу, чтобы это место отличалось от всех прочих. Я хочу рискнуть.

Алиса сощурилась и принялась жевать кончик ручки.

– Но ты всего лишь продаешь цветы, – сказала она. – Как можно быть смелой с цветами?

Я оглядела зал и попыталась представить то, о чем я думала. Хотя я не знала наверняка, о чем именно я думаю. Я просто не находила покоя, как будто блестящая идея должна была вот-вот появиться.

– Какие слова приходят тебе на ум, когда ты думаешь о цветах? – спросила я Алису.

Она пожала плечами:

– Не знаю. Они милые, я полагаю? Они живые, поэтому я думаю о жизни. И еще о розовом цвете и о весне.

– Милый, жизнь, розовый, весна, – повторила я. И добавила: – Алиса, ты гений! – Я встала и начала ходить взад и вперед. – Мы возьмем все, что каждый любит в цветах, и сделаем прямо противоположное!

Она скорчила гримасу, давая понять, что не понимает меня.

– Смотри, – принялась объяснять я. – Что, если вместо того, чтобы показывать *милую* сторону цветов, мы покажем их *неприятную* сторону? Вместо розовых акцентов используем более темные цвета, к примеру, густо-фиолетовый или даже черный. И станем прославлять не только весну и жизнь, но еще и зиму, и смерть.

Глаза Алисы расширились.

– Но… что, если кто-то все-таки захочет розовые цветы?

– Что ж, мы дадим им то, что они хотят, разумеется. Но еще мы дадим им что-то такое, о чем они даже не подозревают, что этого хотят.

Алиса почесала щеку.

– Ты думаешь о *черных* цветах? – Она выглядела встревоженной, и я ее за это не винила. Она видела только темную сторону нарисованной мной картины. Я снова села за стол и попыталась убедить ее.

– Один человек однажды сказал, что не бывает плохих людей. Мы просто люди, которые иногда совершают плохие поступки. Я это запомнила, потому что это правда. В каждом из нас есть что-то хорошее и что-то плохое. Я хочу сделать это нашей темой. Вместо того чтобы красить стены в миленький цвет, мы выкрасим их густо-фиолетовой краской с черными акцентами. И вместо того чтобы выставлять цветы только пастельных оттенков в скучных хрустальных вазах, при виде которых люди думают о жизни, мы рискнем, поступим смело. Мы выставим в зале композиции из цветов более темных оттенков, завернутые, например, в кожу или в серебристые цепи. И вместо того чтобы ставить их в хрустальные вазы, мы разместим их в черном ониксе и… Не знаю… Скажем, в вазах из фиолетового бархата с серебристыми «гвоздиками». Идей море. – Я снова встала. – В городе полно цветочных магазинов для тех, кто любит цветы. Но в какой цветочный магазин пойдут те, кто ненавидит цветы?

Алиса покачала головой.

– Ни в один из них, – прошептала она.

– Вот именно. Ни в один из них.

Мы долго смотрели друг на друга, но потом я больше не смогла сдерживаться. Меня разрывало от возбуждения, и я засмеялась, как расшалившийся ребенок. Алиса тоже засмеялась, вскочила с места и обняла меня.

– Лили, это так неожиданно! Это гениально!

– Я знаю! – Меня переполняла новая энергия. – Мне нужен письменный стол, чтобы я могла сесть и написать бизнес-план! Но мой будущий офис полон старых ящиков для овощей!

Алиса направилась в заднюю часть магазина.

– Что ж, давай вытащим их оттуда и пойдем покупать тебе письменный стол!

Мы протиснулись в офис и начали по одному вытаскивать ящики в заднюю комнату. Я встала на стул, чтобы стопки были выше и у нас оставалось больше места.

– Это идеальный вариант для оформления витрины, который я придумала. – Алиса протянула мне еще два ящика и ушла. Я поднялась на цыпочки, чтобы поставить их на самый верх, и тут пирамида начала качаться. Я попыталась ухватиться за что-то, чтобы удержаться на ногах, но ящики сбили меня с ног. Оказавшись на полу, я почувствовала, что моя нога вывернута под необычным углом. И тут же ногу пронзила острая боль.

В комнату вбежала Алиса. Ей пришлось снять с меня два ящика.

– Лили! – воскликнула она. – Боже мой, ты в порядке?

Я сумела сесть, но даже не пыталась наступить на ногу. Я покачала головой.

– Что-то с лодыжкой.

Она мгновенно стянула с меня обувь, сразу вытащила из кармана телефон, начала набирать номер и посмотрела на меня.

– Понимаю, что вопрос глупый, но у тебя тут, случайно, нет холодильника со льдом?

Я покачала головой.

– Я так и подумала. – Она включила громкую связь и начала заворачивать мою штанину. Я поморщилась, но не от боли. Я просто поверить не могла, что совершила такую глупость. Если я сломала ногу, дело плохо. Я только что потратила все полученное наследство на покупку этого здания, и я еще долго не смогу приступить к ремонту.

– Эй, Исса, – раздался голос из телефона моей новой подруги. – Где ты? Матч закончился.

Алиса взяла телефон и поднесла его ближе к губам.

– Я на работе. Послушай, мне нужно…

Мужчина не дал ей договорить:

– На *работе*? Детка, ты же нигде не работаешь.

Алиса покачала головой и продолжила:

– Маршалл, послушай меня. Ты мне срочно нужен. Кажется, мой босс сломала лодыжку. Мне нужно, чтобы ты принес немного льда в…

Он снова ее не дослушал и начал смеяться.

– Твой *босс*? Детка, ты же нигде не работаешь, – повторил он.

Алиса округлила глаза.

– Маршалл, ты что, пьян?

– Сегодня день *комбинезонов*, – невнятно пробормотал мужчина. – Ты знала об этом, когда бросила нас, Исса. Бесплатное пиво пока не…

Она застонала.

– Передай трубку моему брату.

– Ладно, ладно, – пробормотал Маршалл. В трубке раздалось похрустывание, а потом прозвучало:

– Да?

Алиса быстро назвала наш адрес и добавила:

– Немедленно иди сюда. Пожалуйста. И захвати пакет со льдом.

– Так точно, мэм, – ответил брат Алисы. По его голосу было заметно, что он тоже навеселе. Раздался смех, потом кто-то из мужчин сказал:

– *Она в плохом настроении*. – И в трубке все стихло.

Алиса убрала телефон обратно в карман.

– Я выйду и подожду их на улице, – сказала она. – Они здесь неподалеку. Ты без меня справишься?

Я кивнула и потянулась к стулу.

– Возможно, мне стоит все-таки попробовать на нее наступить.

Алиса надавила мне на плечи и заставила снова прислониться к стене.

– Нет, не двигайся. Подожди, пока они придут, ладно?

Я с трудом представляла, чем мне смогут помочь два пьяных парня, но кивнула. В тот момент моя новая служащая вела себя как мой босс, и я даже немного испугалась ее.

Я прождала около десяти минут, когда наконец услышала, как распахнулась входная дверь.

– Какого черта? – произнес мужской голос. – Почему ты одна в этом заброшенном доме?

Алиса ответила:

– Она там, – и вошла в комнату. Следом за ней вошел парень в домашнем комбинезоне. Он был высокий, худощавый, по-мальчишески красивый, с честными глазами и копной темных, давно не стриженных волос. Он держал в руке пакет со льдом.

Я упомянула, что он был в домашнем комбинезоне?

Представьте взрослого мужчину в комбинезоне Губки Боба.

– Это твой муж? – спросила я Алису, подняв бровь.

Она округлила глаза. В комнату следом за ними вошел еще один парень (тоже в домашнем комбинезоне), но я смотрела только на Алису, которая объясняла, почему они в пижамах в обычную среду во второй половине дня.

– Дальше по улице есть бар, в котором угощают бесплатным пивом каждого, кто придет в домашнем комбинезоне в тот день, когда играет «Бостон Брюинз». – Она подошла ко мне и жестом пригласила парней сделать то же самое. – Лили упала со стула и повредила лодыжку, – обратилась она к другому парню. Тот обошел Маршалла, и первым, что мне бросилось в глаза, были его руки.

Черт подери. Я уже видела эти руки.

Это были руки нейрохирурга.

Алиса была его сестрой? Той самой сестрой, которой принадлежит весь верхний этаж и чей муж работает из дома, не снимая пижамы, и зарабатывает в год сумму с семью нулями?

Как только мои глаза встретились с глазами Райла, его лицо расплылось в улыбке. Я не видела его – *боже, как же давно это было* – целых шесть месяцев. Не могу сказать, что я не думала о нем за прошедшие полгода, потому что я несколько раз о нем вспоминала.

– Райл, это Лили. Лили, это мой брат Райл, – представила нас друг другу Алиса. – А это мой муж Маршалл.

Райл подошел ко мне и опустился на колени.

– Лили, – сказал он, с улыбкой глядя на меня, – рад познакомиться с тобой.

Он явно меня помнил, я видела это по его улыбке. Но, как и я, он делал вид, что мы встречаемся впервые. Пожалуй, я была не в настроении объяснять, что мы уже знакомы.

Райл коснулся моей лодыжки и осмотрел ее.

– Можешь пошевелить ступней?

Я попыталась это сделать, но острая боль пронзила всю ногу. Я втянула воздух сквозь стиснутые зубы и покачала головой:

– Пока нет. Больно.

Райл махнул рукой Маршаллу.

– Найди, во что положить лед.

Алиса вышла из комнаты следом за Маршаллом. Когда они оба ушли, Райл посмотрел на меня и широко улыбнулся.

– Я не выставлю тебе счет за это, потому что я несколько пьян. – Он подмигнул мне.

Я склонила голову к плечу.

– Когда мы встретились в первый раз, ты был под кайфом. Теперь ты пьян. Я начинаю беспокоиться, что из тебя не выйдет достаточно квалифицированный нейрохирург.

Он рассмеялся:

– Так может показаться, но уверяю тебя, что я очень редко курю траву, и это мой первый выходной за месяц, поэтому мне срочно требовалась порция пива. Или пять.

Вернулся Маршалл. Он принес лед, завернутый в какую-то старую тряпку, и протянул его Райлу. Тот приложил лед к моей щиколотке.

– Принеси из багажника аптечку, – обратился Райл к сестре. Она кивнула, схватила Маршалла за руку и снова вытащила его из комнаты.

Райл прижал руку к моей подошве.

– Надави на мою руку, – попросил он.

Я надавила, и хотя мне было больно, я смогла сдвинуть его руку.

– Щиколотка сломана?

Он повернул ступню из стороны в сторону, потом сказал:

– Я так не думаю. Давай подождем пару минут и посмотрим, сможешь ли ты наступить на нее.

Я кивнула, наблюдая, как он устраивается на полу наискосок от меня. Он сел по-турецки и положил мою ступню себе на колено. Оглядев комнату, он снова переключил внимание на меня.

– Что это за место?

Я улыбнулась, пожалуй, излишне широко.

– Магазин Лили Блум. Примерно через два месяца здесь будут продавать цветы.

Клянусь, его лицо засветилось от гордости.

– Не может быть! Ты сделала это? Ты действительно открываешь собственный бизнес?

Я кивнула:

– Ага. Я подумала, что стоит попробовать, пока я еще достаточно молода, чтобы оправиться от провала.

Одной рукой он прижимал лед к моей щиколотке, другой держал мою голую ступню, проводя по ней большим пальцем взад и вперед, как будто в его прикосновении не было ничего особенного. Но его руку на своей ступне я чувствовала намного острее, чем боль в лодыжке.

– Я смешно выгляжу, да? – Он оглядел свой красный комбинезон.

Я пожала плечами:

– Ты хотя бы не выбрал комбинезон мультяшного персонажа. Это более зрелый выбор, чем костюм Губки Боба.

Райл рассмеялся, но потом его улыбка исчезла, он прислонился головой к двери позади него и оценивающе оглядел меня.

– При дневном свете ты еще красивее.

В подобные моменты я всегда жалею о том, что у меня рыжие волосы и белая кожа. Смущение не только хорошо заметно на моих щеках, румянец заливает все мое лицо, шею и даже руки.

Я прижалась затылком к стене, у которой сидела, и принялась изучать его так же, как он изучал меня.

– Хочешь услышать голую правду?

Райл кивнул.

– Мне не раз хотелось вернуться на твою крышу. Но я слишком боялась, что ты тоже окажешься там. Ты заставляешь меня нервничать.

Его пальцы на моей ступне замерли.

– Моя очередь?

Я кивнула.

Его глаза сузились, рука снова заскользила по моей подошве от пальцев к пятке.

– Мне все еще очень хочется трахнуть тебя.

Кто-то ахнул, и это была не я.

Мы с Райлом оба посмотрели на дверной проем. Там стояла Алиса с глазами на пол-лица.

– Ты только что… – Она посмотрела на меня. – Прости меня за него, Лили. – Ее взгляд снова вернулся к брату, в глазах плескался яд. – Ты только что сказал моему боссу, что хочешь ее трахнуть?

О боже.

Райл потянул себя за нижнюю губу и немного ее пожевал. Вошел Маршалл и поинтересовался:

– Что происходит?

Алиса посмотрела на мужа и ткнула пальцем в Райла:

– Он только что сказал Лили, что хочет ее *трахнуть*!

Маршалл перевел взгляд с Райла на меня. Я не знала, то ли рассмеяться, то ли заползти под стол и там спрятаться.

– Ты это сказал? – спросил он, глядя на шурина.

Тот пожал плечами:

– Ну, да.

Алиса обхватила голову руками.

– Господи Иисусе! Он пьян. Они оба пьяные. Пожалуйста, не осуждай меня за то, что мой брат придурок.

Я улыбнулась ей и махнула рукой:

– Все в порядке, Алиса. Многие мужчины хотя меня трахнуть. – Я посмотрела на Райла, который все еще непринужденно поглаживал мою ступню. – По крайней мере, твой брат говорит откровенно. Немногие могут сказать то, что у них на самом деле на уме.

Райл подмигнул мне и осторожно спустил мою ступню со своих колен.

– Давай проверим, сможешь ли ты наступить на ногу, – сказал он.

Они с Маршаллом помогли мне подняться. Райл указал на стол, придвинутый к стене.

– Попробуем дойти до стола, чтобы я смог забинтовать твою лодыжку.

Его рука твердо обнимала меня за талию, он крепко держал мою руку, чтобы я не упала. Маршалл просто стоял рядом на всякий случай. Я слегка наступила на ногу, мне было больно, но не настолько мучительно. Я смогла доковылять до стола с помощью Райла. Он помог мне сесть на стол, и я прислонилась к стене, вытянув ногу перед собой.

– Что ж, хорошая новость в том, что щиколотка не сломана.

– А плохая новость? – спросила я.

Он открыл аптечку и ответил:

– Тебе придется посидеть дома несколько дней. Возможно, даже неделю. Все будет зависеть от того, как нога будет восстанавливаться.

Я закрыла глаза и прислонилась головой к стене.

– Но у меня так много дел, – простонала я.

Он начал аккуратно бинтовать мою лодыжку. Алиса стояла за его спиной и наблюдала за его движениями.

– Я пить хочу! – сказал Маршалл. – Кто-нибудь хочет чего-нибудь выпить? Тут аптека напротив.

– Мне не надо, – сказал Райл.

– Я выпью воды, – ответила я.

– Мне «Спрайт», – подала голос Алиса.

Маршалл схватил ее за руку.

– Ты пойдешь со мной.

Алиса вырвала руку и сложила руки на груди.

– Я никуда не иду, – заявила она. – Моему брату нельзя доверять.

– Алиса, все в порядке, – сказала я ей. – Райл просто шутил.

Она молча смотрела на меня несколько секунд, потом ответила:

– Ладно. Только ты не сможешь уволить меня, если он опять сморозит какую-нибудь глупость.

– Обещаю, я тебя не уволю.

На этом Алиса схватила Маршалла за руку, и они ушли. Райл продолжал бинтовать мою ногу. Потом спросил:

– Моя сестра у тебя работает?

– Ага, наняла ее пару часов назад.

Он сунул руку в аптечку и вытащил пластырь.

– Ты хотя бы понимаешь, что она ни одного дня в своей жизни не работала?

– Она меня об этом предупредила, – сказала я. Его лицо напряглось, он уже не выглядел таким расслабленным, как раньше. Мне пришло в голову, что он мог решить, будто я наняла

Алису только ради того, чтобы оказаться ближе к нему. – Я понятия не имела, что она твоя сестра до той минуты, когда ты вошел сюда. Клянусь.

Райл посмотрел на меня, потом сосредоточился на моей ступне.

– Я даже не думал, что ты знаешь об этом. – Он начал накладывать пластырь поверх повязки.

– Я тебя в этом не обвиняю. Мне просто не хотелось, чтобы ты подумал, будто я каким-то образом пытаюсь поймать тебя в ловушку. Ты же помнишь, что мы от жизни хотим совершенно разного?

Райл кивнул и осторожно положил мою ногу на стол.

– Верно, – согласился он. – Я специалист по свиданиям на одну ночь, а ты находишься в поисках своего святого Грааля.

Я рассмеялась:

– У тебя отличная память.

– Да. – Его губы изогнулись в медленной улыбке. – Но тебя трудно забыть.

Иисусе. Он был просто *обязан* прекратить говорить мне такие вещи. Я оперлась ладонями о стол и спустила ногу со стола.

– Пришло время для голой правды.

Райл прислонился к столу рядом со мной.

– Весь внимание.

Я не стала ничего скрывать.

– Меня очень тянет к тебе, – сказала я. – Мне практически все в тебе нравится. У нас с тобой разные цели в жизни, это факт. Поэтому, если нам доведется встретиться снова, я была бы благодарна, если бы ты перестал говорить такие вещи, от которых у меня кружится голова. Это не совсем честно по отношению ко мне.

Он кивнул:

– Теперь моя очередь.

Он положил руку на стол рядом со мной и слегка наклонился ко мне.

– Меня тоже очень тянет к тебе. И в тебе мне почти все нравится. Но я надеюсь, что мы больше никогда не встретимся, потому что мне не нравится, что я так много о тебе думаю. Не так уж много на самом деле, но куда больше, чем мне бы хотелось. Поэтому если ты по-прежнему не собираешься согласиться на свидание на одну ночь, то я думаю, что нам лучше избегать встреч. Потому что нас обоих это ни к чему хорошему не приведет.

Я не знала, каким образом он оказался так близко ко мне, но между нами было не больше фута. Его близость мешала мне сосредоточиться на тех словах, которые слетали с его губ. Взгляд Райла на мгновение остановился на моих губах, но как только мы услышали звук открывающейся входной двери, он сразу оказался на другой половине комнаты. К тому моменту, когда Алиса и Маршалл добрались до нас, Райл был занят тем, что заново складывал в пирамиду упавшие ящики. Алиса посмотрела на мою лодыжку.

– Каков вердикт? – поинтересовалась она.

Я выпятила нижнюю губу.

– Твой братец-доктор говорит, что мне придется посидеть дома несколько дней.

Она протянула мне воду, которую я просила.

– Хорошо, что у тебя есть я. Я могу работать и заняться уборкой, которая мне по силам, пока ты будешь отдыхать.

Я сделала глоток воды и вытерла рот.

– Алиса, я объявляю тебя лучшей служащей месяца.

Она улыбнулась и повернулась к Маршаллу:

– Ты это слышал? Я лучшая из ее служащих!

Он обнял ее и поцеловал в макушку.

– Я горжусь тобой, Исса.

Мне нравилось, что он называет ее *Исса*, что, как я догадалась, было уменьшительным от Алисы. Я подумала о собственном имени и о том, встречу ли когда-нибудь парня, который догадается называть меня головокружительно милым прозвищем – *Илли*.

Не-а. Не этот парень.

– Тебе помочь добраться домой? – спросила Алиса.

Я соскочила со стола и проверила ногу.

– Если только ты проводишь меня до машины. Нога левая, так что я вполне справлюсь с управлением.

Она подошла ко мне и обхватила за талию.

– Если оставишь мне ключи, то я все тут закрою и вернусь завтра, чтобы начать уборку.

Они втроем проводили меня до машины, но Райл позволил Алисе выполнить всю работу. По какой-то причине он стал бояться прикоснуться ко мне. Когда я уселась за руль, Алиса поставила мою сумочку и другие вещи на пол и заняла пассажирское кресло. Она взяла мой телефон и начала вбивать в него свой номер.

Райл наклонился к окну:

– Следующие несколько дней постарайся как можно чаще прикладывать к ноге лед. Ванна тоже помогает.

Я кивнула:

– Спасибо тебе за помощь.

Алиса перегнулась через меня и спросила:

– Может быть, тебе, Райл, следует довезти ее до дома и вернуться на такси? Просто на всякий случай.

Райл посмотрел на меня и покачал головой.

– Не думаю, что это хорошая идея, – сказал он. – С ней все будет в порядке. Я выпил пива, поэтому мне не стоит садиться за руль.

– Ты мог бы помочь ей дойти до квартиры, – предложила Алиса.

Райл снова покачал головой, похлопал по крыше машины, развернулся и пошел прочь.

Я все еще смотрела ему вслед, когда Алиса вернула мне телефон и сказала:

– Серьезно, я прошу за него прощения. Сначала он возбуждается при виде тебя, а потом ведет себя как эгоистичный придурок. – Она выбралась из машины и закрыла дверцу, потом сунула голову в окно. – Вот поэтому он и останется одиноким до конца дней. – Она указала на мой телефон. – Пришли мне сообщение, когда доберешься домой. И позвони мне, если тебе что-то понадобится. Дружеские услуги я в рабочее время не включу.

– Спасибо, Алиса.

Она улыбнулась:

– Нет, это *тебе* спасибо. Я так не радовалась жизни с того времени, когда в прошлом году побывала на концерте Паоло Нутини[5]. – Она помахала мне на прощание рукой и пошла туда, где стояли Маршалл и Райл.

Они пошли по улице, и я смотрела на них в зеркало заднего вида. Когда они поворачивали за угол, я увидела, что Райл обернулся и посмотрел в моем направлении.

Я закрыла глаза и выдохнула.

Две наши встречи с Райлом выпали на те дни, которые я предпочла бы забыть. Похороны отца и растяжение лодыжки. Но каким-то образом от его присутствия они не ощущались такими катастрофическими, какими были на самом деле.

Ну почему он брат Алисы! У меня было такое чувство, что мы с ним виделись не в последний раз.

---

[5] Шотландский певец, автор песен и музыкант.

Глава 4

Мне потребовалось полчаса, чтобы добраться от машины до квартиры. Я дважды набирала номер Люси, чтобы узнать, сможет ли она мне помочь, но она не ответила на звонки. Войдя наконец в квартиру, я испытала раздражение, когда увидела ее лежащей на диване с прижатым к уху телефоном.

Я с грохотом захлопнула входную дверь, и Люси подняла на меня глаза.

– Что с тобой случилось? – спросила она.

Опираясь на стену, я поскакала в коридор.

– Лодыжку растянула.

Когда я добралась до двери в свою спальню, Люси крикнула:

– Прости, что не ответила на твои звонки! Я разговариваю с Алексом! Я собиралась тебе перезвонить!

– Все в порядке! – крикнула я в ответ и захлопнула за собой дверь. Я направилась в ванную и нашла в шкафчике какие-то старые обезболивающие таблетки. Проглотив две штуки, я рухнула на кровать и уставилась в потолок.

Я не могла поверить в то, что обречена сидеть в квартире целую неделю. Я схватила телефон и отправила сообщение матери.

> Растянула лодыжку. Я в порядке, но могу я прислать тебе список необходимого, чтобы ты купила мне в магазине?

Я уронила телефон на постель, и в первый раз с момента переезда матери в Бостон я была благодарна за то, что она живет рядом со мной. На самом деле это было не так уж плохо. Пожалуй, я любила ее больше с тех пор, как мой отец умер. Я догадывалась о причине. Это было связано с тем, что я всегда осуждала ее за неспособность уйти от него. И хотя это осуждение практически исчезло, когда речь шла о матери, то по отношению к отцу я испытывала все те же чувства.

Не слишком-то это хорошо – хранить в сердце столько горечи по отношению к отцу. Но черт подери, он был ужасен. По отношению к моей матери, ко мне, к Атласу.

Атлас.

Я была так занята маминым переездом и тайными поисками помещения под магазин в нерабочие часы, что у меня не было времени дочитать мои дневники, которые я начала читать полгода назад.

Я кое-как доковыляла до платяного шкафа, споткнувшись лишь однажды. К счастью, я устояла на ногах, ухватившись за комод. Как только дневник оказался в моих руках, я вернулась в постель и устроилась поудобнее.

Следующую неделю мне все равно было больше нечем заняться, так как работать я не могла. Я вполне могла позволить себе вспомнить печальное прошлое, раз уж я оказалась вынуждена страдать в настоящем.

Дорогая Эллен!

Церемония вручения «Оскаров», которую ты вела, оказалась самой интересной телепередачей за последний год. Не думаю, что я тебе об этом говорила, но я описалась, пока смотрела, как ты подошла к первым рядам с пылесосом и почистила ковер.

Кстати, сегодня я сагитировала нового фолловера Эллен в лице Атласа. Прежде чем ты осудишь меня за то, что я снова пустила его в наш дом, позволь мне объяснить, как это получилось.

После того как он вчера принял у нас душ, я его прошлым вечером больше не видела. Но утром он снова сел рядом со мной в автобусе. Он выглядел чуть счастливее, чем накануне, потому что он сел и по-настоящему мне улыбнулся.

Не буду лгать, было немного странно видеть его в одежде моего отца. Но брюки сидели на нем намного лучше, чем я ожидала.

– Знаешь что? – Он нагнулся вперед и расстегнул свой рюкзак.

– Что?

Атлас вытащил пакет и протянул его мне.

– Я нашел это в гараже. Я пытался их очистить для тебя, но они такие грязные, что без воды я мало что смог сделать.

Я взяла пакет и с подозрением посмотрела на него. Такой длинной фразы я от него еще ни разу не слышала. Потом я все-таки посмотрела на пакет и открыла его. Там лежало нечто похожее на старые инструменты для садоводства.

– Я на днях видел, как ты копаешься с этим твоим совком. Я не знал наверняка, есть ли у тебя настоящие садовые инструменты, а этими никто не пользуется, поэтому…

– Спасибо, – поблагодарила я. Я была почти в шоке. У меня раньше был специальный садовый совок, но пластиковая ручка треснула, и от этого у меня на руке оставались мозоли. В прошлом году я попросила маму подарить мне садовые инструменты на день рождения, и когда она принесла мне большую лопату и тяпку, у меня не хватило духа сказать ей, что это совсем не то.

Атлас откашлялся и более тихим голосом продолжил:

– Я знаю, что это не настоящий подарок. Я это не купил. Но мне хотелось подарить тебе что-нибудь. Ты знаешь… за…

Он не договорил, поэтому я кивнула и снова завязала мешок.

– Как думаешь, ты сможешь подержать их у себя до возвращения домой? В моем рюкзаке совсем нет места.

Атлас забрал у меня мешок, поднял рюкзак на колени и убрал туда инструменты. Он обхватил свой рюкзак и спросил:

– Сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

По его взгляду я поняла, что мой возраст его немного разочаровал, но вот почему?

– Ты в десятом классе?

Я кивнула, но, честно говоря, не могла ничего придумать, чтобы продолжить разговор. Я не слишком часто общалась с парнями. Особенно из старших классов. И когда я нервничаю, я просто замыкаюсь в себе.

– Не знаю, как долго я задержусь в этом доме, – сказал Атлас, снова понизив голос. – Но если тебе когда-нибудь понадобится помощь по саду или с чем-то еще после школы, то и тут от меня мало толку. Все равно у меня нет электричества.

Я рассмеялась и тут же засомневалась, не зря ли я рассмеялась над его самоуничижительным коммента- рием.

Остаток пути до школы мы говорили о тебе, Эллен. Когда он сказал, что скучает, я спросила, смотрел ли он когда-нибудь твое шоу. Он сказал, что хотел бы посмотреть, потому что считает тебя забавной, но для телевизора нужно электричество. Еще одно замечание, над которым мне, наверное, не следовало бы смеяться.

Я сказала Атласу, что он может посмотреть шоу вместе со мной после школы. Я всегда записываю его на видеомагнитофон и смотрю, пока занимаюсь делами по дому. Я подумала, что могу просто запереть входную дверь на задвижку, и если родители вернутся раньше времени, то я успею выпустить Атласа через заднюю дверь.

Я не видела его до поездки из школы домой. На этот раз он не сел рядом, потому что Кэти вошла в автобус раньше его и села со мной. Я хотела попросить ее садиться на другое место, но тогда бы она подумала, что я влюбилась в Атласа. Кэти раззвонила бы об этом всем, поэтому я просто позволила ей сидеть рядом со мной.

Атлас сидел впереди, поэтому он вышел из автобуса раньше меня. Он как-то неловко стоял на остановке и ждал, пока я выйду. Когда я вышла, он открыл рюкзак и протянул мне пакет с инструментами. Он ничего не сказал относительно моего утреннего приглашения посмотреть вместе телевизор, поэтому я повела себя так, как будто мы обо всем договорились.

– Заходи, – пригласила я, открывая дверь. Он вошел, и я закрыла дверь на задвижку. – Если мои родители вернутся раньше, беги через заднюю дверь и сделай так, чтобы они тебя не увидели.

Атлас кивнул.

– Не волнуйся, я убегу, – пообещал он со смешком.

Я спросила, хочет ли он что-нибудь выпить, и он сказал, что да. Я сделала нам перекусить и принесла все вместе с напитками в гостиную. Я уселась на диван, Атлас устроился в кресле моего отца. Я включила шоу. Больше ничего не было. Мы почти не разговаривали, потому что я прокручивала всю рекламу. Но я заметила, что он смеялся во всех нужных местах. Я думаю, что чувство юмора – это одна из самых важных черт в человеке. Каждый раз, когда он смеялся твоим шуткам, я начинала чувствовать себя лучше из-за того, что впустила его в дом. Не знаю почему. Может быть, потому, что, если он окажется тем, с кем я могу дружить, я буду чувствовать себя менее виноватой.

Он ушел сразу после того, как твое шоу закончилось. Я хотела спросить, не нужно ли ему снова воспользоваться душем, но это бы задержало его в доме почти до прихода родителей. Меньше всего мне хотелось, чтобы ему пришлось бежать из душа и через задний двор голышом.

Хотя это было забавно и ужасно.
– Лили

Дорогая Эллен!

Что ты творишь, женщина? Повторы? Целая неделя повторов? Я так понимаю, что тебе потребовался отпуск, но позволь мне предложить тебе кое-что. Вместо того чтобы записывать одно шоу в день, записывай два. Тогда ты сделаешь двойную работу за половину времени, и нам никогда не придется смотреть повторы.

Я говорю «мы», потому что речь идет обо мне и об Атласе. Он стал моим регулярным партнером по просмотру твоего шоу. Думаю, он любит тебя так же, как и я, но я никогда ему не скажу, что пишу тебе каждый день. Это ему покажется слишком девчачьим.

К настоящему времени он прожил в том доме уже две недели. Он еще несколько раз принимал душ в нашем доме, и я даю ему еду каждый раз, когда он заходит. Я даже стираю его одежду, пока он сидит у нас после школы. Он продолжает передо мной извиняться, как будто он тяжелая ноша. Но, честно говоря, мне это нравится. Он не дает мне думать о разных вещах, и на самом деле мне бы хотелось проводить с ним время после школы каждый день.

Вечером папа вернулся домой поздно, и это означало, что после работы он заходил в бар. И это означало, что он, вероятно, устроит скандал с моей матерью. И это означало, что он, вероятно, снова совершит какую-нибудь глупость.

Клянусь, иногда я так злюсь на нее за то, что она остается с ним. Я знаю, мне всего пятнадцать, и я, скорее всего, не понимаю всех причин, по которым она предпочитает остаться. Но я отказываюсь позволять ей использовать меня как предлог. Мне все равно, слишком ли она бедна, чтобы уйти от него, и придется ли нам переехать в убогую квартирку и питаться только лапшой рамен до того, как я окончу школу. Это все равно было бы лучше, чем это.

Сейчас я слышу, как он кричит на нее. Когда он становится таким, я иногда выхожу в гостиную, надеясь, что это его успокоит. Ему не нравится бить ее в моем присутствии. Возможно, мне стоит попробовать этот способ.
– Лили

Дорогая Эллен!

Если бы у меня под рукой сейчас оказался нож или ружье, я бы его убила. Как только я вошла в гостиную, я увидела, как он толкает ее. Они стояли в кухне, мать схватила его за руку, пытаясь успокоить, а он ударил ее тыльной стороной руки, и мать упала на пол. Я почти уверена, что он собирался ударить ее ногой, но увидел, как я вошла в гостиную, и остановился. Он что-то процедил ей сквозь зубы, ушел в их спальню и захлопнул за собой дверь.

Я бросилась в кухню и попыталась помочь матери, но она никогда не хотела, чтобы я видела ее в таком состоянии. Она отмахнулась от меня и сказала:

– Я в порядке, Лили. Я в порядке, это была просто глупая ссора.

Она плакала, и я видела красноту на ее щеке в том месте, куда он ее ударил. Когда я подошла ближе к ней, желая убедиться, что с ней все в порядке, мать повернулась ко мне спиной и ухватилась за рабочий стол.

– Я сказала, что со мной все в порядке, Лили. Возвращайся в свою комнату.

Я побежала по коридору, но в комнату не вернулась. Я выбежала через заднюю дверь и побежала через задний двор. Я ужасно злилась на мать за то, что она отделалась от меня. Мне не хотелось находиться в одном доме ни с одним из них. Не обращая внимания на наступившую темноту, я подбежала к дому, в котором жил Атлас, и постучала в дверь.

Я слышала, как он двигается внутри, как уронил что-то.

– Это я, Лили, – прошептала я. Через несколько секунд дверь распахнулась, Атлас посмотрел мне за спину, потом налево, направо. Только взглянув мне в лицо, он понял, что я плачу.

– Ты в порядке? – спросил он, выходя на крыльцо. Я вытерла своей рубашкой слезы и заметила, что он вышел на крыльцо вместо того, чтобы пригласить меня войти. Я села на ступеньку крыльца, Атлас сел рядом со мной.

– Я в порядке, – ответила я. – Я просто злюсь. Иногда я плачу, когда злюсь.

Атлас протянул руку и убрал мне волосы за ухо. Мне это понравилось, и я вдруг растеряла всю свою злость. Он обнял меня и прижал к себе так, что моя голова оказалась у него на плече. Не понимаю, как ему удалось меня успокоить, не произнеся ни слова, но он это сделал. Есть люди, одно лишь присутствие которых успокаивает, и он был одним из таких людей. Полная противоположность моего отца.

Мы посидели так немного, пока я не увидела, как в моей комнате зажегся свет.

– Тебе лучше вернуться, – прошептал Атлас. Мы оба видели мою маму, стоявшую в комнате. Только в эту минуту я поняла, какой вид открывается Атласу на мою спальню.

Возвращаясь в дом, я пыталась вспомнить все то время, которое Атлас провел в брошенном доме. Ходила ли я по комнате при включенном свете после наступления темноты, ведь сплю я только в одной футболке?

Совершенное безумие, Эллен: я вроде как надеялась, что ходила.

– Лили

Я закрыла дневник, когда начали действовать обезболивающие таблетки, решив почитать еще на следующий день. *Может быть, почитаю*. Когда я читала о том, как отец обычно обращался с моей матерью, у меня портилось настроение.

Когда я читала об Атласе, я загрустила.

Я попыталась заснуть, думать о Райле, но почему-то вся ситуация между ним и мной и разозлила меня, и опечалила.

Возможно, мне стоило подумать только об Алисе и о том, как мне повезло, что она появилась в моем будущем магазине. В следующие несколько недель подруга бы мне очень пригодилась, не говоря уже о помощнице. У меня появилось чувство, что они будут более стрессовыми, чем я предполагала.

Глава 5

Райл оказался прав. Потребовалось всего несколько дней, чтобы моя лодыжка пришла в норму и я снова смогла нормально ходить. Но все же я выждала целую неделю, прежде чем выйти из квартиры. Меньше всего на свете мне нужно было опять повредить щиколотку.

Разумеется, первым делом я отправилась в свой цветочный магазин. Алиса была там, когда я приехала. Сказать, что я была в шоке, когда вошла, это не сказать ничего. Помещение выглядело совершенно иначе, чем то, которое я купила. Работы оставалось еще много, но Алиса и Маршалл сумели избавиться от всего того, что мы обозначили как мусор. Все остальное было аккуратно сложено. Окна и полы помыли. Алисе даже удалось разобрать ту комнату, в которой я планировала сделать офис.

Я помогала ей в течение нескольких часов, но поначалу она не позволяла мне делать то, что требовало ходьбы, поэтому я большей частью занималась составлением планов для магазина. Мы выбрали краску для стен, наметили дату открытия, до которой оставалось примерно сорок пять дней. Когда Алиса ушла, я потратила несколько следующих часов, занимаясь тем, что она не позволила бы мне делать. Приятно было вернуться. Но как же я устала…

Вот почему я никак не могла решить, стоит ли мне встать с дивана и открыть дверь, в которую только что постучали. Люси опять ночевала у Алекса, с мамой я поговорила пять минут назад, поэтому я знала, что это не может быть никто из них.

Я подошла к двери и посмотрела в «глазок», прежде чем открыть ее. Сначала я его не узнала, потому что он стоял с опущенной головой, но когда он поднял ее, у меня сильнее забилось сердце.

Зачем он пришел?

Райл постучал снова, и я попыталась смахнуть волосы с лица и пригладить их. Но это был напрасный труд. Я много работала и выглядела дерьмово, у меня не было получаса на душ, мейкап и переодевание, поэтому мне предстояло предстать перед ним как есть.

Я открыла дверь, и его мгновенная реакция смутила меня.

– Господи Иисусе. – Он уперся головой в дверной косяк. Райл дышал так, как будто только после тренировки, и в этот момент я заметила, что выглядел он ничуть не более отдохнувшим или чистым, чем я. На его лице была двухдневная щетина, да и волосы не были аккуратно причесаны. Они были в некотором беспорядке, взгляд был странным. – Ты даже не представляешь, в какое количество дверей я постучал, прежде чем найти тебя…

Я покачала головой, потому что действительно не представляла. Но когда он упомянул об этом, я задалась вопросом: *откуда, ради всего святого, он узнал, где я живу?*

– Двадцать девять, – сказал он. Потом он поднял руки и показал цифры на пальцах, повторив шепотом:

– *Двадцать… девять*.

Я посмотрела на его одежду. Он был в медицинской форме. И мне *очень не понравилось*, что он был в медицинской форме именно в этот момент. *Черт бы его побрал*. Она шла ему больше, чем домашний комбинезон, и *намного* больше, чем рубашка Burberry.

– Почему ты стучал в двадцать девять дверей? – поинтересовалась я, склонив голову к плечу.

– Ты мне не говорила, в какой квартире живешь, – сухо ответил он. – Ты сказала, что живешь в этом доме, но не помню, чтобы ты называла этаж. На самом деле я едва не начал с третьего этажа. Я был бы здесь уже час назад, если бы поверил своему внутреннему голосу.

– Почему ты пришел?

Райл провел рукой по лицу, а потом кивком указал на квартиру.

– Можно войти?

Я оглянулась через плечо и открыла дверь шире.

– Полагаю, да. Если скажешь мне, что тебе нужно.

Райл переступил через порог, и я закрыла за нами дверь. Он огляделся, одетый в свою дурацкую сексуальную форму, и упер руки в бока, стоя ко мне лицом. Он выглядел несколько разочарованным, но я не была уверена, разочарован он мной или самим собой.

– На подходе очень большая голая правда, согласна? – объявил он. – Приготовься.

Я сложила руки на груди и смотрела, как он набирает в грудь воздуха, собираясь заговорить.

– Ближайшие два месяца – самые важные месяцы в моей карьере. Я должен сосредоточиться. Моя ординатура подходит к концу, а потом мне надо будет сдать экзамены. – Райл мерил шагами гостиную, отчаянно жестикулируя. – Но последнюю неделю я не мог выбросить тебя из головы. Не знаю почему. На работе, дома я могу думать только об одном: как невероятно я себя чувствую рядом с тобой. Мне нужно это прекратить, Лили. – Райл остановился и посмотрел на меня. – Пожалуйста, прекрати это. Только один раз будь со мной, и на этом все, я клянусь.

Мои ногти впились в ладони, пока я смотрела на него. Он все еще немного задыхался, глаза по-прежнему блуждали, но он с мольбой смотрел на меня.

– Когда ты спал в последний раз? – спросила я.

Райл округлил глаза, как будто досадуя на то, что я его не понимаю.

– Я только что после двух суток дежурства, – он сказал это так, как будто отмахнулся от меня. – *Сосредоточься*, Лили.

Я кивнула и повторила про себя его слова. Если бы я не знала наверняка… Я бы подумала, что он…

Я сделала вдох, чтобы успокоиться.

– Райл, – осторожно начала я. – Ты действительно только что постучался в двадцать девять дверей, чтобы сказать мне, что мысли обо мне превратили твою жизнь в ад и что мне следует переспать с тобой, чтобы тебе больше никогда не пришлось думать обо мне? Ты что, *издеваешься* сейчас надо мной?

Он сжал губы и, поразмыслив секунд пять, медленно кивнул:

– Ну… да. Но… в твоем исполнении это звучит намного хуже.

Я раздраженно рассмеялась:

– Все потому, что это смехотворно, Райл.

Он закусил нижнюю губу и оглядел комнату, как будто ему неожиданно захотелось сбежать. Я открыла дверь и жестом пригласила его на выход. Но он остался стоять. Его взгляд упал на мои ступни.

– Твоя лодыжка выглядит неплохо, – сказал Райл. – Как она?

Я округлила глаза:

– Лучше. Сегодня я впервые смогла помочь Алисе в магазине.

Райл кивнул, потом сделал вид, что собирается выйти. Но как только он оказался рядом со мной, он развернулся ко мне и уперся ладонями в стену по обе стороны от моей головы. Я задохнулась и от его близости, и от его настойчивости.

– Пожалуйста… – попросил он.

Я покачала головой, хотя мое тело начало сдаваться и умолять мой разум передумать.

– Я действительно хорош в этом, Лили. – Райл усмехнулся. – Тебе практически ничего не придется делать.

Я постаралась не рассмеяться, но его упорство было настолько же милым, насколько и раздражающим.

– Спокойной ночи, Райл.

Он опустил голову и покачал ею. Оттолкнувшись от двери, он выпрямился. Райл почти развернулся, направляясь к коридору, но вдруг упал передо мной на колени и обнял меня руками за талию.

– Пожалуйста, Лили, – попросил он с самоуничижительным смехом. – *Пожалуйста*, займись со мной сексом. – Райл смотрел на меня щенячьим взглядом, с жалкой, полной надежды улыбкой. – Я так тебя хочу, так отчаянно. Клянусь. После того как ты со мной переспишь, ты больше никогда обо мне не услышишь. Обещаю.

Было что-то такое в нейрохирурге, стоявшем передо мной на коленях и умолявшем о сексе, что меня тронуло. *Это просто смешно*.

– *Встань*, – приказала я, отталкивая его руки. – Ты выставляешь себя на посмешище.

Райл медленно поднялся, провел руками по двери по обе стороны от меня, пока я не оказалась как будто в клетке.

– Это означает «да»? – Его грудь едва касалась моей, и я ненавидела себя за то, что мне было так приятно его отчаянное желание. Мне следовало бы почувствовать отторжение, но я едва могла дышать, когда смотрела на него. Особенно когда на его лице появилась двусмысленная улыбка.

– В данный момент я совершенно не чувствую себя сексуальной, Райл. Я работала весь день, я вымотана. От меня пахнет потом, а на вкус я как пыль. Если ты дашь мне время сначала принять душ, то я, возможно, почувствую себя достаточно сексуальной, чтобы заняться с тобой сексом.

Он быстро закивал, когда я еще не договорила.

– Иди в душ. Не спеши. Я подожду.

Я оттолкнула его и закрыла входную дверь. Райл пошел следом за мной в спальню, и я сказала ему, чтобы он ждал меня на кровати.

К счастью, накануне вечером я привела спальню в порядок. Обычно моя одежда валяется всюду, книги скапливаются на прикроватной тумбочке, обувь и бюстгальтеры почему-то не добираются до шкафа. Но в этот вечер все было чисто. Я даже кровать убрала, украсив ее уродливыми стегаными подушками, которые бабушка передала всем членам нашей семьи.

Я быстро оглядела комнату, просто чтобы убедиться в том, что ему на глаза не попадется что-то неподобающее. Райл сел на кровать, и я видела, что он осматривает пространство вокруг себя. Я остановилась на пороге ванной и в последний раз попыталась его выпроводить.

– Ты говоришь, что после этого все прекратится, Райл, но сразу предупреждаю тебя. Я как наркотик. Если сегодня вечером ты займешься со мной сексом, для тебя все станет только хуже. Но один раз – это все, что ты получишь. Я отказываюсь становиться одной из многих девушек, которые – как ты это сказал той ночью? – *удовлетворяют* твои *потребности*.

Райл откинулся на локти.

– Ты не такая девушка, Лили. А я не тот парень, которому кто-то нужен больше, чем на один раз. Нам не о чем волноваться.

Я закрыла за собой дверь ванной, гадая, как этому парню удалось меня уговорить.

Все дело было в медицинской форме. Это моя слабость. К нему это не имело никакого отношения.

Интересно, он мог бы остаться в форме во время секса?

* * *

Я никогда не тратила более получаса, чтобы привести себя в порядок, но прошел почти час, пока я закончила в ванной. Я побрила больше частей тела, чем, вероятно, требовалось. Двадцать минут у меня ушло на то, чтобы успокоиться и отговорить себя от того, чтобы открыть дверь и приказать ему убираться. Но мои волосы высохли, я была чище, чем когда бы то ни было. Я решила, что могу сделать это. Я могу позволить себе одноразовый секс. Мне двадцать три года.

Я открыла дверь, и Райл все еще лежал на моей кровати. Я с некоторым разочарованием увидела, что форменная рубашка валяется на полу, но брюк я там не увидела. Должно быть, он все еще в них. Он лежал под одеялом, и я не видела, в чем он.

Я закрыла дверь ванной и стала ждать, чтобы он перевернулся и посмотрел на меня. Но он этого не сделал. Я подошла ближе, и только тут заметила, что он храпит.

И это был не легкий храп (*ох, прости, я неожиданно заснул*). Нет, это был настоящий храп крепко спящего человека.

– Райл? – шепотом окликнула я его. Он не проснулся даже после того, как я потрясла его.

Должно быть, он надо мной издевается.

Я бросилась на кровать, не заботясь о том, что могу его разбудить. Я только что провела целый час, готовя себя для него, вымотавшись за день, а он вот так вот отнесся к этому вечеру?

Но я не могла на него сердиться, особенно когда увидела, каким умиротворенным он выглядит. Я представить не могла, каково это – отработать сорок восемь часов подряд. И потом, у меня очень удобная кровать. Настолько удобная, что человек в ней может заснуть даже после полноценного ночного сна. *Мне следовало предупредить его об этом*.

Я посмотрела время на моем телефоне. Было почти половина одиннадцатого. Я поставила телефон в беззвучный режим и легла рядом с Райлом. Его телефон лежал на подушке рядом с его головой, поэтому я схватила его и включила камеру. Подержав телефон над нами и убедившись в том, что мое декольте выглядит наилучшим образом, я сделала снимок, чтобы он увидел, что он пропустил.

Я выключила свет и рассмеялась про себя, потому что я собиралась заснуть рядом с полуобнаженным мужчиной, с которым я даже никогда не целовалась.

* * *

Я не успела открыть глаза, когда почувствовала, как его пальцы провели по моей руке. Я подавила улыбку и сделала вид, что все еще сплю. Его пальцы добрались до моего плеча, остановились на ключице, а потом коснулись шеи. На этом месте у меня татуировка, я сделала ее в колледже. Это просто очертания сердца, слегка открытого в верхней части. Я чувствовала, как его пальцы обводят тату, а потом он нагнулся и прижался к ней губами. Я еще крепче зажмурила глаза.

– Лили, – прошептал Райл, обнимая меня за талию. Я еле слышно застонала, пытаясь проснуться, а потом перекатилась на спину, чтобы смотреть на него. Когда я открыла глаза, Райл смотрел на меня. По тому, как солнце светило в мои окна и на его лицо, я поняла, что еще нет семи утра.

– Я самый презренный из мужчин, которых ты когда-либо встречала. Я прав?

Я засмеялась и едва заметно кивнула:

– Ты невероятно близок к истине.

Райл улыбнулся и убрал волосы с моего лица. Нагнувшись, он прижался губами к моему лбу, и мне не понравилось, что он сделал только это. После этого мне придется страдать от бессонницы по ночам, потому что я стану прокручивать в голове это воспоминание.

– Я должен идти, – сказал Райл. – Я уже опаздываю. Во-первых, прости меня. Во-вторых, я никогда не сделаю этого снова. Ты видишь меня в последний раз, обещаю. И, в-третьих, мне *по-настоящему* жаль. Ты даже не представляешь насколько.

Я выдавила улыбку, но мне хотелось хмуриться, потому что мне совершенно не понравилось это его «во-вторых». Я вовсе даже не возражала, чтобы он попробовал уговорить меня снова, но потом я напомнила себе, что мы хотим от жизни противоположных вещей. И даже хорошо, что он уснул и мы даже не поцеловались. Потому что, если бы мы с ним занялись сексом, пока он был в медицинской форме, это я бы появилась у его дверей на коленях, умоляя о большем.

Все к лучшему. Срываем пластырь и отпускаем его.

– Пусть у тебя будет хорошая жизнь, Райл. Желаю тебе добиться всех возможных успехов.

Он не ответил на мои прощальные слова. Он молча смотрел на меня, как будто слегка нахмурившись, но потом сказал:

– Ага. И тебе того же, Лили.

После этого он откатился от меня и встал. Я даже не могла смотреть на него в этот момент, поэтому я повернулась на бок, спиной к нему. Я слышала, как он надевает обувь, потом тянется за телефоном. После долгой паузы он зашевелился снова, и я знала, что он смотрел на меня. Я не открывала глаз до той минуты, пока не услышала, как захлопнулась входная дверь.

У меня моментально запылало лицо, но я запретила себе плакать. Я заставила себя встать с кровати. У меня была работа. Я не могла расстраиваться из-за того, что я не настолько хороша, чтобы заставить парня пересмотреть свои жизненные цели.

И потом, у меня были собственные цели в жизни, чтобы о них беспокоиться. И эти цели меня возбуждали. Поэтому, как бы там ни было, у меня все равно не было времени для парня в моей жизни.

Ни минуты.

Нет.

Деловая девушка, что тут скажешь.

Я была смелой и отважной бизнес-леди, которой некогда трахать мужчин в медицинской форме.

Глава 6

Прошло пятьдесят три дня после того, как Райл вышел из моей квартиры тем утром. Это означало, что я не видела его пятьдесят три дня.

Но в этом не было ничего страшного, потому что эти пятьдесят три дня я была слишком занята, чтобы думать о нем, так как я готовилась к этому моменту.

– Готова? – спросила Алиса.

Я кивнула, и она повернула табличку с надписью «Открыто». Мы обнялись и обе завизжали как маленькие.

Мы побежали за прилавок и стали ждать нашего первого покупателя. Открытие было негромким, маркетингом я пока не занималась, но нам хотелось убедиться, что не осталось никаких недочетов перед «большим» открытием.

– Здесь очень красиво, – оценила Алиса, любуясь результатами нашей работы. Я с гордостью огляделась. Разумеется, я хотела преуспеть, но в этот момент я даже не была уверена, что это имеет значение. У меня была мечта, я изо всех сил старалась, чтобы она осуществилась. Что бы ни произошло после этого дня, это будет всего лишь глазурь на торте.

– У нас очень вкусно пахнет, – сказала я. – *Обожаю* этот запах.

Я не знала, заглянет ли к нам хотя бы один клиент, но мы обе вели себя так, как будто это было лучшее, что происходило с нами. Поэтому я не думала, что это имеет значение. И потом в какой-то момент обязательно зайдет Маршалл, и моя мама после работы тоже заглянет. Это два верных клиента. Ну и достаточно.

Когда начала открываться входная дверь, Алиса сжала мой локоть. Я вдруг запаниковала немного: вдруг что-то пойдет не так?

А потом я запаниковала по-настоящему, потому что кое-что действительно пошло не так. Совершенно не так. Моим первым покупателем оказался Райл Кинкейд.

Он остановился. Когда дверь за его спиной закрылась, он с восхищением огляделся.

– Как? – спросил он. – Как вы?.. – Райл снова посмотрел на меня и на Алису. – Это невероятно. Такое ощущение, что это другое помещение!

Ладно, может быть, мне не стоило расстраиваться, что именно он стал первым покупателем.

У него ушло несколько минут, чтобы добраться до прилавка, потому что он все трогал и рассматривал. Когда Райл наконец дошел до нас, Алиса выбежала из-за прилавка и обняла его.

– Правда красиво? – спросила она и указала на меня. – Это была ее идея. Вся целиком. Я только помогала с черной работой.

Райл рассмеялся:

– Мне трудно поверить в то, что твое увлечение пинтерестом не сыграло никакой роли.

Я кивнула:

– Алиса просто скромничает. Ее навыки гарантировали воплощение этих идей в жизнь.

Райл улыбнулся мне, но с тем же успехом он мог вонзить нож мне в грудь, потому что *ой*.

Он хлопнул ладонями по прилавку и сказал:

– Итак, я первый официальный клиент?

Алиса протянула ему одну из наших листовок.

– Тебе придется что-то купить, чтобы считаться покупателем.

Райл проглядел листовку и положил ее на прилавок. Он подошел к одной из композиций и схватил вазу, полную фиолетовых лилий.

– Я хочу вот эти, – объявил он, ставя цветы на прилавок.

Я улыбнулась, гадая, знал ли он, что только что выбрал лилии. В этом была какая-то ирония.

– Хочешь, чтобы мы доставили их по какому-то адресу? – спросила Алиса.

– Вы, ребята, еще и доставляете?

– Мы с Алисой нет, – ответила я. – У нас есть водитель-курьер на всякий случай. Мы не были уверены, что сегодня он нам понадобится.

– Ты покупаешь это для девушки? – поинтересовалась Алиса. Она сунула нос в любовную жизнь брата, как сделала бы это любая сестра, но я поймала себя на том, что подошла к ним ближе, чтобы лучше услышать его ответ.

– Да. – Райл встретился со мной взглядом и добавил: – Хотя я о ней почти не думаю. Практически никогда.

Алиса схватила карточку и подвинула ее брату.

– Бедняжка, – посочувствовала она неизвестной девушке. – Ты такой мудак. – Она побарабанила пальцами по карточке. – Напиши ей вот на этой стороне, а на другой стороне оставь адрес, по которому надо доставить цветы.

Я смотрела, как Райл наклоняется над карточкой и пишет на обеих сторонах. Я знала, что не имею на это права, но меня мучила ревность.

– Ты приведешь эту девушку на мой день рождения в пятницу? – спросила брата Алиса.

Я пристально наблюдала за его реакцией. Но он только покачал головой и сказал:

– Нет. А ты придешь, Лили?

По его голосу я не сумела понять, надеется он, что я приду, или надеется, что не приду. Принимая во внимание тот стресс, которому я его как будто подвергала, то полагаю, что второе.

– Я еще не решила.

– Она придет, – ответила за меня Алиса, посмотрела на меня и сощурилась. – Ты придешь на мою вечеринку, хочешь ты этого или нет. Если не появишься, я уволюсь.

Закончив писать, Райл сунул карточку в конверт, прикрепленный к цветам. Алиса пробила чек, и он заплатил наличными. Он отсчитывал деньги и смотрел на меня.

– Лили, ты слышала про традицию помещать под стекло первый заработанный доллар?

Я кивнула. *Разумеется*, я об этом знала. И он *знал*, что мне это известно. Он только что дал мне понять, что это его доллар будет висеть в рамочке на стене до конца существования этого магазина. Я едва не попросила Алису отдать ему цветы бесплатно, но вспомнила, что бизнес есть бизнес. Мне пришлось унять свою уязвленную гордость.

Как только Райл получил чек, он постучал кулаком по прилавку, чтобы привлечь мое внимание. Слегка наклонив голову, он произнес с искренней улыбкой:

– Мои поздравления, Лили.

Он развернулся и вышел из магазина. Как только дверь за ним закрылась, Алиса схватила конверт.

– Кому, черт подери, он посылает цветы? – сказала она, вытаскивая карточку. – Райл *никогда* не посылает цветы.

Она прочла вслух текст.

– «Прекрати это».

Проклятье.

Алиса какое-то время смотрела на карточку, повторяя фразу:

– *Прекрати это?* Что это может значить?

Я не могла больше выносить это ни одной секунды. Схватила карточку и перевернула ее. Алиса нагнулась и прочла адрес вместе со мной.

– Ну что за идиот, – рассмеялась она. – Райл написал адрес нашего цветочного магазина. – Алиса взяла карточку у меня из рук.

Вау.

Райл только что купил мне цветы. И не просто *какие-то* цветы. Он купил мне букет лилий.

Алиса взяла свой телефон.

– Сейчас напишу ему сообщение и скажу, что он облажался. – Она отправила сообщение брату, а потом снова рассмеялась, глядя на цветы. – Ну как нейрохирург может быть таким *дурачиной*?

Я не могла перестать улыбаться. У меня отлегло от сердца, потому что Алиса смотрела на цветы, а не на меня, иначе бы она легко обо всем догадалась.

– Я поставлю их в моем офисе, пока мы не поймем, по какому адресу он собирался их отправить, – сказала я, взяла вазу и быстро унесла мои цветы.

Глава 7

– Прекрати дергаться, – сказал Девин.

– Я не дергаюсь.

Он продел свою руку под мой локоть и повел меня к лифту.

– Нет, дергаешься. Если ты подтянешь этот твой топ спереди еще раз, ты полностью «убьешь» эффект от твоего маленького черного платья. – Девин схватил мой топ и одернул его, а потом сунул руку в мое декольте, чтобы поправить бюстгальтер.

– Девин! – Я шлепнула его по руке, и он рассмеялся.

– Расслабься, Лили. Я касался куда лучших сисек, чем твои, и я все еще гей.

– Ага, но держу пари, что эти сиськи прилагались к тем, с кем ты встречался куда чаще, чем раз в полгода.

Девин рассмеялся:

– Ты права, но отчасти ты сама в этом виновата. Это ты нас бросила, чтобы играть с цветами.

Девин был одним из самых любимых моих коллег в маркетинговой фирме, где я раньше работала, но все же мы не были настолько близки, чтобы активно общаться вне работы. Днем он заглянул в цветочный магазин, и Алиса почти мгновенно прониклась к нему симпатией. Она уговаривала его прийти на вечеринку вместе со мной. А так как я не хотела появляться в одиночестве, я тоже попросила его прийти.

Я пригладила руками волосы и попыталась поймать свое отражение в стене лифта.

– Почему ты так нервничаешь? – спросил Девин.

– Я не нервничаю. Я просто терпеть не могу ходить в гости туда, где я никого не знаю.

Девин понимающе хмыкнул и спросил:

– Как его зовут?

Я сокрушенно выдохнула. *Неужели я до такой степени прозрачна?*

– Райл. Он нейрохирург. И ему очень, очень хочется заняться со мной сексом.

– Откуда ты знаешь, что он этого хочет?

– Потому что он в прямом смысле упал передо мной на колени и сказал: «*Пожалуйста, Лили. Пожалуйста, займись со мной сексом*».

Девин поднял бровь:

– Он тебя умолял?

Я кивнула:

– Все выглядело не так жалко, как кажется. Обычно он более сдержанный.

Раздался звонок лифта, двери начали открываться. Я услышала музыку, льющуюся в холл. Девин взял обе мои руки в свои и спросил:

– Итак, каков наш план? Я должен заставить этого парня ревновать?

– Нет. – Я покачала головой. – Это было бы неправильно. – Но… При каждой нашей встрече Райл обязательно говорит мне, что надеется никогда больше меня не увидеть. – Может быть, немного? – Я сморщила нос. – Капельку?

– Считай, договорились. – Девин щелкнул зубами, положил руку мне на поясницу и повел прочь от лифта. В холле была только одна дверь, поэтому мы подошли к ней и постучали.

– Почему здесь только одна дверь? – поинтересовался Девин.

– Алисе принадлежит весь этаж.

Он щелкнул языком:

– И она работает на *тебя*? Черт, твоя жизнь становится все интереснее и интереснее.

Дверь начала открываться, и я с облегчением увидела перед собой Алису. В квартире звучала музыка и слышался смех. В одной руке она держала бокал с шампанским, а в другой был хлыст для верховой езды. Она заметила, что я смущенно смотрю на хлыст, бросила его через плечо и схватила меня за руку.

– Это долгая история, – со смехом сказала она. – Входите, входите!

Алиса втянула меня внутрь, я сжала руку Девина и потащила его за собой. Она продолжала вести нас через толпу, пока мы не оказались на противоположном конце гостиной.

– Эй! – Она потянула за руку Маршалла. Тот повернулся и улыбнулся мне, потом притянул к себе, чтобы обнять. Я посмотрела за его спину, оглядела комнату, но Райла нигде не было. *Может быть, мне повезло и его вызвали на работу этим вечером.*

Маршалл протянул руку Девину, они обменялись рукопожатием.

– Привет, парень! Рад с тобой познакомиться!

Девин обнял меня за талию.

– Я Девин! – проорал он, перекрывая музыку. – Я сексуальный партнер Лили!

Я рассмеялась и ткнула его локтем в бок, а потом нагнулась к его уху:

– Это Маршалл. Не тот парень, но получилось здорово.

Алиса схватила меня за руку и потянула прочь от Девина. Маршалл заговорил с ним, а меня утащили в противоположном направлении.

– С тобой все будет в порядке! – крикнул Девин.

Я последовала за Алисой в кухню, где она вложила мне в руку бокал с шампанским.

– Выпей! – приказала она. – Ты этого заслуживаешь!

Я сделала глоток шампанского, но даже не сумела оценить его вкус, потому что увидела ее кухню промышленных размеров с двумя «островками» и холодильником, который был больше моей квартиры.

– Ничего себе! – прошептала я. – Ты на самом деле здесь *живешь*?

Она хихикнула:

– Понимаю тебя. И подумать только, мне даже не пришлось выходить за него ради денег. Когда я в него влюбилась, у Маршалла было семь долларов и ездил он на «Форде Пинто».

– Но он же больше не ездит на «Форде Пинто»?

Алиса вздохнула:

– Нет. Но с этой машиной у нас связано столько хороших воспоминаний.

– Понятно.

Алиса вскинула брови:

– Что ж… Девин милый.

– И, вероятно, Маршалл больше в его вкусе, чем я.

– Ну надо же, – ахнула Алиса. – Вот это облом. А я-то решила, что играю роль свахи, когда пригласила его на свою вечеринку.

Дверь кухни распахнулась, и вошел Девин.

– Твой муж тебя ищет, – обратился он к Алисе.

Она выбежала из кухни, хихикая на ходу.

– Она мне действительно понравилась, – сказал Девин.

– Алиса замечательная, правда?

Он прислонился к «островку».

– Кажется, я только что встретил Стоявшего-на-коленях.

Мое сердце затрепетало. Пожалуй, прозвище Нейрохирург подходило ему больше.

– Как ты понял, что это он? Он представился?

Девин покачал головой:

– Не-а, но он слышал, как Маршалл представил меня кому-то как «парня Лили». Я думал, что он испепелит меня взглядом. Поэтому я пришел сюда. Ты мне нравишься. Но не настолько, чтобы умереть за тебя.

Я рассмеялась:

– Не беспокойся. Уверена, что убийственный взгляд, который он на тебя бросил, был на самом деле его улыбкой. В большинстве случаев они неотличимы друг от друга.

Дверь снова распахнулась, и я мгновенно застыла, но это был всего лишь поставщик еды. Я с облегчением выдохнула.

– *Лили!* – В голосе Девина я услышала разочарование.

– Что?

– Ты выглядишь так, будто тебя вот-вот стошнит, – обвиняюще сказал он. – Видно, парень действительно тебе нравится.

Я округлила глаза. Но потом я опустила плечи и изобразила плач.

– Да, Девин. Просто я этого *не хочу*.

Он взял у меня бокал, допил остатки шампанского, потом снова подхватил меня под руку.

– Пойдем пообщаемся, – предложил он и против моей воли потащил из кухни.

Народа в гостиной еще прибавилось. Там было больше ста человек. Пожалуй, у меня не набралось бы такого количества даже просто знакомых.

Мы обошли гостиную. Я держалась сзади, разговор вел Девин. У него находились общие знакомые со всеми, к кому мы подходили. Примерно через полчаса следования по пятам за Девином я поняла, что у него была своя игра: найти общих знакомых со всеми присутствующими. Пока мы общались таким образом, половина моего внимания была занята поисками следов Райла. Я его нигде не видела и начала гадать, Райла ли на самом деле видел Девин.

– Это странно, – сказала какая-то женщина. – Как, по-вашему, что это такое?

Я подняла глаза и увидела, что она смотрит на художественное произведение на стене. Оно выглядело как фотография крупным планом, перенесенная на холст. Я склонила голову к плечу, чтобы рассмотреть получше. Женщина задрала нос и заявила:

– Не знаю, зачем кому-то понадобилось превращать фотографию в настенное искусство. Это ужасно. Все так размыто, невозможно понять, что это.

Женщина в раздражении отошла, и я испытала облегчение. Ну… Это немного странно, но кто я такая, чтобы оценивать вкусы Алисы?

– Что ты об этом думаешь?

Его низкий глубокий голос прозвучал у меня за спиной. Я на мгновение закрыла глаза, вдохнула, чтобы успокоиться, выдохнула, надеясь, что он не заметит, как на меня подействовал его голос.

– Мне нравится. Я не знаю наверняка что это, но это интересно. У твоей сестры хороший вкус.

Райл обошел меня, встал рядом лицом ко мне, потом сделал еще шаг, оказавшись настолько близко, что касался моей руки.

– Ты привела своего парня?

Вопрос прозвучал непринужденно, но я знала, что это не так. Я не ответила, и тогда Райл нагнулся к моему уху. Он повторил свои слова, но на этот раз утвердительно.

– Ты привела *своего парня*.

Я нашла в себе смелость посмотреть на него и мгновенно пожалела об этом. Он был в черном костюме, по сравнению с которым медицинская форма выглядела детской игрой. Для начала я сглотнула неожиданно появившийся комок в горле, а потом сказала:

– Для тебя это проблема? – Я отвела от него взгляд и снова посмотрела на фотографию на стене. – Я пыталась упростить для тебя ситуацию. Ты же понимаешь. Я просто пыталась *это прекратить*.

Райл фыркнул и допил остававшееся в его стакане вино.

– Как *предусмотрительно* с твоей стороны, Лили. – Он выбросил пустой стакан в мусорную корзину в углу комнаты. Он попал в корзину, но она была пуста, и стакан разбился, когда упал на дно. Я оглянулась, но никто не обратил внимания на то, что случилось. Когда я снова посмотрела на Райла, он уже шел по коридору. Он скрылся в комнате, а я осталась стоять, снова глядя на фотографию.

И тут я это увидела.

Изображение было размытым, поэтому сразу разобраться было трудно. Но эти волосы я бы узнала всюду. Это были *мои* волосы. Невозможно было ошибиться, особенно в сочетании с шезлонгом из полимера для судостроения, на котором я лежала. *Именно этот снимок он сделал на крыше в ту ночь, когда мы впервые встретились с ним.* Он, должно быть, увеличил снимок и сделал изображение размытым, чтобы никто не понял, что это такое. Я коснулась рукой шеи, потому что мне показалось, будто у меня закипела кровь. *В гостиной было по-настоящему жарко*.

Рядом со мной появилась Алиса.

– Странный снимок, правда? – сказала она, глядя на него.

Я почесала грудь.

– Здесь слишком жарко, – сказала я. – Тебе не кажется?

Алиса огляделась:

– В самом деле? Я не заметила, но я немного пьяна. Я скажу Маршаллу, чтобы он включил кондиционер.

Она снова исчезла. Чем больше я смотрела на фотографию, тем больше злилась. Парень повесил мою фотографию в своей квартире. Он купил мне цветы. Ему было неприятно, что я привела парня на вечеринку его сестры, и он этого не скрывал. Он вел себя так, как будто между нами действительно что-то было. А мы даже не целовались.

На меня нахлынуло все сразу. Гнев… Раздражение… Полбокала шампанского, которое я выпила на кухне. Я была так зла, что не могла даже думать нормально. Если парню настолько сильно хотелось заняться со мной сексом… то ему не следовало засыпать! Если ему хотелось, чтобы я исчезла из его жизни, тогда нечего было присылать мне цветы! И ему определенно не следовало вешать мою фотографию там, где он жил!

Больше всего на свете мне нужен был свежий воздух. К счастью, я знала, где его найти.

Через несколько мгновений я уже выбежала на крышу. На крыше оказались отколовшиеся от вечеринки гости. Трое из них сидели в шезлонгах. Я их проигнорировала и подошла к парапету в том месте, откуда открывался красивый вид, и облокотилась на него. Я сделала несколько глубоких вдохов и попыталась успокоиться. Мне хотелось спуститься вниз и сказать Райлу, чтобы он наконец принял решение. Но я понимала, что сделать это я могу только с ясной головой.

Воздух был холодным, и по какой-то причине я винила в этом Райла. В этот вечер он был виноват во всем. *Во всем*. Войны, голод, бессмысленная стрельба, все каким-то образом было связано с Райлом.

– Не могли бы вы ненадолго оставить нас наедине?

Я развернулась. Райл стоял рядом с другими гостями. Все трое кивнули и начали подниматься, чтобы уйти. Я подняла руки и сказала:

– Подождите! – Но никто из них не посмотрел на меня. – В этом нет необходимости. В самом деле, вам незачем уходить.

Райл сохранял невозмутимость, стоял, сунув руки в карманы, когда один из гостей пробормотал:

– Ничего, мы не против.

Они направились друг за другом к лестнице. Я округлила глаза и, как только мы с Райлом остались наедине, сразу развернулась обратно к парапету.

– Все всегда делают то, что ты скажешь? – раздраженно поинтересовалась я.

Он не ответил. Я слышала его медленные уверенные шаги, приближавшиеся ко мне. У меня бешено застучало сердце, и я снова принялась чесать грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.